

Анна Чернышева

Звезда бессмертия

16+

Анна Чернышева
Звезда бессмертия

«Автор»

2019

Чернышева А. А.

Звезда бессмертия / А. А. Чернышева — «Автор», 2019

Это роман о чудесах, которые способна творить настоящая любовь. Главная героиня – Лиза, студентка технического вуза, считала себя заурядной материалисткой и неудачницей. Молодой человек, в которого после мимолетной встречи она с первого взгляда влюбилась ещё в детстве, кажется ей волшебным принцем. Только через много лет Лиза неожиданно встречает его. А после выясняется, что они любили друг друга и в прошлой жизни.

© Чернышева А. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

АННА АНАТОЛЬЕВНА ЧЕРНЫШЕВА.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

АННА АНАТОЛЬЕВНА ЧЕРНЫШЕВА.

ЗВЕЗДА БЕССМЕРТИЯ.

РОМАН.

Из Сибири до солнечного Сочи поезд добирается четверо суток, за это время путники успевают в подробностях поведать друг другу всю свою жизнь. Моя соседка по купе ярко и эмоционально рассказала мне удивительную историю своей любви. Рассказывала она примерно так:

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЧЕРТ ЗНАЕТ ЧТО

Роскошная брюнетка под душем. Вода льется по груди, спине, бедрам, мокрые волосы лежат на смуглых плечах, пар обнимает стройную фигуру, рука скользит по плоскому животу... Эротично?

Ничего подобного! Мокрая пятка поскальзывается на гладкой плитке, я теряю равновесие и лечу на пол. Падая, жутко стучаюсь головой о край ванны, задеваю еще что-то железное, мокрое, все! Пол! Всем телом ощущаю, какой он холодный и твердый. Лежу. Боюсь открыть глаза, дышу осторожно. Как громко шумит вода...

–Лиза, Лиза!

«Откуда он взялся? А, да, щеколда на двери, давно сломана. Зачем он так орет?»

Открываю глаза, Серега сидит рядом на полу в плавках и одном носке, держит мою голову смотрит дико. К горлу подкатила противная тошнота, Серега, конечно, гад, но не на столько же! Хочу приподняться, желудок сразу лезет наружу.

–В постель, – командую я, очень дохлым голосом.

Наконец-то, тепло и сухо! Вот он рай! Расслабляюсь, закрываю глаза, кайф.

–Лиза!

«Что еще?»

–Мне надо идти, ты тут сама справишься?

Наверное, я ответила, потому что он ушел. Настала тишина. Спать, спать...

Еще не совсем проснувшись, шелкаю кнопку телевизора, диктор сразу же сообщает мне, что президент Ельцин отлично себя чувствует. Вот бы и мне такое самочувствие. Президент опять куда-то намылился, с кем-то встретился, новости как новости, ничего особенного. Армагидона все еще нет, а предсказывали-то, предсказывали! 1999 – поворотный год! Обыкновенный год. Терпеть не могу политику! Решительно выключаю телевизор.

Сажу перед зеркалом в полном ужасе. Вокруг правого глаза сияет густая синева. Если буду спать на одном боку, чтобы синяк не стек к переносице, будет похоже на жирную подводку. Нет! Это ужасно! Веко вспухло, моргать больно. Это же надо, сама себе глаз подбила! На лбу – большой прыщик, губы потрескались, кожа сухая. Да, как меня только мужчины любят?!

Нет, нет! Я еще очень ничего! Подумаешь, двадцать три! Брюнетка с голубыми глазами, лоб высокий, и фигура отличная: ноги длинные, грудь, талия, все при мне. Вообще, я красавица! Вот только синяк! Черт бы его побрал! Как хорошо, что институт можно прогуливать! Плюнуть на все, и валяться в постели. Все, решено, так и сделаю. Быстрее, быстрее, в теплую кровать. А ведь голова-то болит!

Звонок в дверь, только не это! Не буду открывать, не буду! И все равно иду покорно к двери, шоркаю тапочками, запахиваю халат.

–Кто там?

–Открывай, открывай, – несется из-за двери, долго я еще буду ждать?!

Светка. Умеет она придти вовремя. Сейчас начнутся охи, вздохи, как бы не показывать ей синяк?

–Лиза, я первым делом к тебе, я такую кофточку видела, отпад! Ох, Лиза, что с тобой?

И на лице отразился вселенский ужас! Моя Светка маленькая блондинка с огромным темпераментом. Всегда в ярком: красном, синем, желтом или с ног до головы в черном. У нее нет полутонов ни в одежде, ни в жизни, либо в восторгах, либо в депрессии.

–Ой, что случилось? Неужели, Сергей? – она даже за сердце схватилась.

–Да, нет, – машу я руками, – я сама поскользнулась в ванной. Сделала ремонт на свою голову.

–Точно? – она щурится недоверчиво, – ты его не выгораживаешь?

–Боже упаси! Если б он только попробовал, я б ему сковородкой ответила! Ну, что мы застряли в коридоре, пошли на кухню, у меня еще торт остался.

Она сбрасывает сиреневое пальтишко и миру открывается нечто настолько пестрое, что в глазах рябит. Слава богу, Света настроена благостно! Взобравшись с ногами на узкий диван, она стрекочет без умолку. Пока я кручусь с чаем, Света повествует: о головокружительной страсти к предпринимателю Никите, новой сногшибательной квартире дяди Игоря, непереносимой духоте в парикмахерской и ценах на рынке.

–Пей, пока не остыл.

–Сейчас, дай дорассказать. Ты видела новую историчку? Нет? Зовут Полина Уговна. Это где ж такие имена? – ответов Светке не требуется, – говорят, на экзаменах зверствует...

Я терпеливо внимаю, киваю головой, а голова моя продолжает болеть и мечтать о воссоединении с подушкой.

–Что-то у тебя вид кислый, – наконец заметила Света.

Я прикладываю руку к синяку, морщусь...

–Болит? – наивно спрашивает подруга.

–Не очень.

–Но выглядит, конечно, ужасно безобразно.

–Спасибо, умеешь ты утешить.

–Ну, что поделаешь, если это жутко. Слушай, а косметикой? Тональным, пудрой пробовала?

–И пробовать не буду, тут хоть гипс наложи, ничего не спрячешь, фонарь неугасимый.

–Тогда надо темные очки!

–Придумала тоже. В темных очках под осенний дождь. По твоему они сочетаются с сапогами и пальто?

–Да, так еще быстрее заметят, – соглашается Светка.

–Заметят и придумают черте что, не надо мне такого внимания.

–Что же ты будешь делать?

–Выход есть! – заявляю я, – останусь дома, буду плющиться под одеялом. Хоть отоплюсь, а то так голова болит.

–Ой, это же может быть сотрясением мозга!

–Похоже, оно и есть.

–А ты скорую вызывала?

–Нет.

–Вызови!

–Теперь-то зачем? Синяком любоваться?

–Надо вызвать, обязательно!

Какая же она все-таки паникерша!

–Ты не представляешь себе, возможные последствия. Это же так серьезно! С сотрясением шутить ни в коем случае нельзя! Я читала в «Космополитен», что одна женщина упала вот так, и память потеряла...

–Но я-то тебя помню, и кто такой дядя Игорь не забыла. Значит это не мой случай.

–А еще в мозгу может лопнуть сосудик, тебя парализует, и ты не сможешь даже пошевелиться!

Я принимаюсь прыгать и отплясывать твист, в доказательство, что со мной не случился инсульт.

–Я похожа на паралитика?

–Нет, конечно, – охотно соглашается Света и набирает побольше воздуха, чтобы поведать мне и миру еще что-то душераздирающее, но я спешу сбить ее с темы.

–Хватит меня пугать! Кто в прошлый раз жаловался, что помирает без взбитых сливок? Лопай, пожалуйста.

Ядвигаю ближе к ней блюдце с большим куском торта. Светка смолкает занявшись им. Я тоже кладу себе десерт и с радостью отмечаю, что розочки и фиалки из крема, доставляют мне массу удовольствий. От противной тошноты и следа не осталось, и голова болеть перестала. Сладостенна я отпетая. А Светка принялась опять за свое:

–Это еще что! Я тут вспомнила историю про одного мужика... кто же мне ее рассказывал, ладно, неважно. Толи Игорь, толи Никита?

–Так что же было с мужиком? – бурчу я сквозь набитый рот.

Она отодвигает пустое блюдце, принимает живописную позу, поправляет кулон на груди.

–Так вот, он отдыхал на Багамах...

–Начало мне уже нравится!

–Купался в океане...

–Еще лучше!

–И заснул на надувном матрасе, посреди бела дня!

–Ага, свалился во сне в воду, зашиб акулу, получил «производственную» травму, и теперь на страховку живет на Багамах до сих пор. А акулу сдали в музей.

–Нет, – смеется Светка.

–А куда дели? Съели? Всю?

–Да нет же, не перебивай! Он получил солнечный удар и стал ясновидящим.

–Ну, уж это мне не грозит. Здесь совсем не Багамы, и не Гавайи.

–И солнышка что-то маловато, – закивала Светка, глядя на тучную серость за окном.

Мы смеемся, пачкаемся кремом, пьем чай, благодать! А кто-то скучает на лекциях.

После Светкиного ухода, я совсем ожившая мою посуду, пол, хватаюсь за стирку, пылесос – все сразу! Решительно застилаю постель, а может... по окончании стирки я уверена, что застлала ее зря. Взбиваю подушку, потягиваюсь... опять звонок! Шлепаю в коридор, ну что за невезенье! Резко дергаю дверь, у порога горбится здоровенный тип в фуфайке.

–Слесаря вызывали?

–Нет.

–А у меня записано.

–Я никого не вызывала.

–Точно?

–Да, точно.

–А муж?

–Что муж? – не понимаю я.

–Это он тебя? – басит, сочувственно кивает на мой синяк.

Я хлопаю перед ним дверью. Достали! Снова хватаюсь за пылесос. Короче говоря, в постели я оказываюсь только в два часа ночи. Страшно измотанная и усталая. Закрываю глаза, а передо мной все плывет, моя невысказанно чистая квартира. Я засыпаю...

Клинок обжег мне плечо, я отбил удар, отскочил. Перед лицом молниями носились еще две шпаги. Сколько же их? Выпад, удар, выпад. Кого-то задел, хоть бы Мончини. Будь он проклят! Правая рука слабеет, перебрал шпагу в левую, уже не то. Правая повисла плетью, рукав стал алым. Шаг назад, шаг вперед, туше!* противник свалился прямо мне под ноги. Я запнулся, едва не упал. Удар, и моя шпага сломалась у самого эфеса.** Мончини смеется злорадно, я отбил его клинок своим обломком и изо всех сил шаркнул массивной гардой*** ему по челюсти. Он кубарем покатился по лестнице. Я бросил обломок, схватил лавочку и запустил в наступавших, повалил шкаф. Пока они выбирались из-под мебели, я успел кое-как перезарядить пистолеты. Два выстрела закончили дело. Совершенно без сил я опустился прямо на пол. Гостиная была похожа на поле боя: трупы, кровь, битая посуда, перевернутая мебель, оборванные шторы, пороховой дым.

–А-ах!

Вошла баронесса, глянула и сползла по стеночке. Только женщины в обмороке мне сейчас и не хватало! Я с трудом поднялся, на ватных ногах поплелся к ней, присел рядышком. До чего же она красива! Даже в обмороке лежит, будто позирует художнику. Что делают в таком случае? Где-то я видел воду. Дотянулся до вазы с розами, выбросил цветы, все равно завяли, и плеснул воду в лицо Жанне.

–Прости, любимая, на что сил хватило.

Она тут же очнулась, посмотрела на меня огромными темными глазами, ничего не понимая. Голубой шелк лифа намок и потемнел, на груди блестели капли воды, с ее светлых волос капало.

–Что случилось? Боже мой! Ты жив?

–Кажется, – поморщился я, кровь с руки капала на роскошное платье.

–Ты ранен, а Мончини?

–Твой муж скоро очухается, вон там, в углу за комодом. Так что мне надо уйти отсюда как можно скорее.

–Где он? Что с ним?

Она вскочила, торопливо поправила юбки, направилась к комоду.

–Антонио, Антонио, как ты?

Уж таковы женщины. Она, вдруг, обернулась.

–Тебя надо перевязать!

Баронесса схватила шелковую скатерть со стола, вернулась ко мне.

–Кто тебя? Он? – спросила она строго.

–Он.

–Сейчас.

Жанна подобрала на полу брошенный кинжал, разрешила скатерть на полосы, стала перевязывать мне руку.

–Ты идти можешь?

–Пока могу.

–Жаль, я слуг отпустила. Придется тебе все делать самому.

Коня моего у ворот не было. Мончини позаботился. Пришлось возвращаться к конюшне. Перед глазами уже плыли темные круги, страшная усталость тянула к земле. Я прислонился к стволу дерева, закрыл глаза.

–Эй, сеньор.

Прямо передо мной Мончини, половина лица залита кровью. Мне в грудь упирается дуло пистолета.

«Какая мерзкая у Манчини улыбка...»

Выстрел...

И я просыпаюсь. Слава Богу жив! Чего только не привидится после такой драки. Все тело болит. Совсем не отдохнул за ночь. И правый глаз заплыл, это наемник Мончини меня двинул канделябром. Надо встать, умыться, побриться.

«Черт! Где это я?! Убожество, какое! Потолки низкие беленные, окошко как бойница, комнатка как шкаф. Что это? Трактир? Тюрьма? А за окном-то что? Фу, дрянь какая! Башка болит!»

Стою посреди комнаты, сжимаю руками голову, медленно соображаю.

«Стоп, стоп, стоп... что было сном? Мончини? Не может быть! А это что? Когда? Где?»

На стене зеркало. Подхожу, смотрю.

«Я схожу с ума!!»

Вдруг все встает все на свои места. Я спала и просто видела сон про... про...про то, что меня ... убили.

«Приснится же такое! Да, еще так натурально, во всех подробностях.»

Я даже проверяю, нет ли шрама на руке.

«Никогда ничего подобного во сне не переживала. Я фехтовала, стреляла, а наяву и понятия не имею, как это делается. Наверное, просто фильмов насмотрелась... так ничего исторического уже давно не смотрела. Какие же это времена? Шпаги, платья, шляпы с перьями... похоже на семнадцатый век, где-нибудь в Европе. Бурная же у меня фантазия. А эта Жанна ... редкостная! И вашим и нашим. И надо же такому присниться! Ого, уже двенадцать часов! Надо быстренько просыпаться, гладить юбку и бежать к соседке, позвонить Галке. Может она хоть хлеба мне принесет, есть хочется! Только побриться сперва надо. Тьфу ты!»

—

*туше (фр.) – в фехтовании касание, точный выпад.

**эфес – защищенная рукоять холодного оружия.

***гарда (фр.) чаша на шпаге, защищающая руку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ХОЧУ ЛЮБВИ БОЛЬШОЙ И ЧИСТОЙ!

Надоело мне читать про чужую любовь! И фильмы смотреть не могу больше! Где ты, принц, на розовом слоне! Где тебя черти носят?

А Серега? Ну, что Серега? Он, конечно, милый, но всю жизнь с ним! Да, я озверею! Он прекрасен тем, что появляется время от времени. Просто было одиноко и скучно, было много людей и шампанского. Прозаично, как детские прописи. А потом он пришел с девушкой, и я из озорства стянула все внимание на себя. Спутница была забыта, а я купалась в своей непобедимости. У дверей он «со смыслом» глядя мне в глаза, спросил: «– Я вернусь?», а я бездумно кивнула. Вот и все.

А хочется, хочется чего-то такого! Пресно мне стало после этого дурацкого сна. Будто не хватает чего-то важного, от чего глаза горят, и жить хочется.

Сижу на диване среди подушек и уговариваю себя, что не все так уныло. Надо срочно вспомнить что-нибудь яркое, на всю катушку! Перед глазами опять мелькают шпаги, шляпы с перьями... к черту сны, что у меня наяву впечатлений не хватает? Тупо смотрю в стену. В квартире тихо, слышно, как льется вода у соседей, воробьи дерутся за окном, электричка шумит за рекой. Я прислушиваюсь к стуку колес, вот она романтика: поезда, новые города,

новые люди. И я вспоминаю как бешено, билось сердце под такой вот стук колес далеко-далеко в зимнем Питере. Как давно это было! Мне пятнадцать лет, я первый раз в Санкт-Петербурге, глаза распахнуты, смотрю на все жадно, сама себе не верю, а электричка легко и стремительно несет меня из пригорода в центр. За окном сугробы, елки, совсем как дома. Остановка, отрываюсь от окна, смотрю на входящих людей. Хмурая тетка с авоськами, деловой мужичок в смешной кепке, девочка с бабушкой, дергает ее за руку, что-то щебечет, ватага студентов с гитарой и каким-то оборудованием. Вдруг, я прячу глаза, даже жмурюсь. Я влюбилась, глянула и влюбилась. Увидела и обожглась. Боже! куда спрятаться? Смешно, а я чуть не умерла. Он высокий, красивый, уверенный, большие темные глаза, бархатный голос. Сама элегантность и обаяние. А я пятнадцатилетняя страшилка в прыщах и в красной шапке с помпонами. Он меня и не замечает, а я так хочу раствориться в воздухе, что дышать боюсь. Студенты совсем рядом, шумят, смеются, я смотрю на него украдкой. Так страшно и так сладко.

Когда он выходит, мне становится легко и грустно. Что сейчас четыре года разницы, подумаешь. А тогда это была бездной. Дней десять я каждое утро езжу на электричке в центр, и каждый раз таю и прячу глаза, увидев его. А потом я возвращаюсь домой, и он остается в далеком и прекрасном Санкт – Петербурге. И никогда больше у меня так не замирает и не бьется сердце. Наверное, дело в тревожной и волшебной поре юности, а может быть в том незнакомце.

Я сижу улыбаюсь прошлому, постепенно образы бледнеют, тают. Я снова вижу до тошноты знакомые стены. Трясу головой, пора возвращаться к действительности. Тем более, что действительность так и требует к себе внимания: на плите надывается, свистит чайник, кто-то терзает дверной замок, форточка хлопает от ветра. Закрываю форточку, открываю дверь, бегу снимать чайник. Серега вваливается на кухню сосредоточенный, как спикер парламента, падает на табурет, смотрит на меня молча. Я удивленно поднимаю брови.

–Давай жить вместе, – рожает Серега, и смотрит натужно.

–Это что, предложение руки и сердца или тебя из дома выгнали? – легкомысленно интересуюсь я и отворачиваюсь заваривать чай.

–Надоело мне мотаться туда сюда, хочу жить здесь, – бубнит он мне в спину, – не все ли тебе равно, а мне каждый день не мотаться через весь город.

–Ну, предположим не каждый день.

–Не важно, у тебя же все равно три комнаты...

–А у твоих родителей только две, логично.

–Ну, вот и я также подумал, поживем вместе, попробуем. Ты будешь готовить, стирать...

–А ты? – я обернулась.

–Я буду тебе помогать, – заверяет он, ну всякие мужские дела делать.

–Начинай, – я решительно указываю на засорившуюся раковину.

Он сморщился, заерзал на табурете.

–А как?

–Руками, – огрызаюсь я.

–Это же раскручивать, там грязь...

–А ты как думал.

–Ладно, я сделаю попозже. Чаю попью, переоденусь, вечером сделаю. Поесть есть что-нибудь?

–Вечером.

–Ну, что ты такая злая? Я пришел, в хорошем настроении, хотел по-человечески...

–По-человечески? – смеюсь я, передразниваю его. «– Ну, это, мне ездить далеко, так ты мне теперь готовь, стирай, а я тоже, может быть, тебе чего сделаю. » Великолечно.

–А как тебе еще надо?

–«Лизонька, милая, я без тебя скучаю, хочу больше времени проводить с тобой, помогать тебе во всем. » Например.

–Но это же лезть! – сидит и смотрит на меня честными глазами.

–Зато я обрадовалась бы.

–Ты меня выгоняешь? – и губы надул как ребенок.

–Да, нет, оставайся, – пожимаю плечами я.

Чай мы пьем уже по-семейному. И телевизор смотрим вместе, и вещи его раскладываем. Серега светиться от удовольствия, зато, едва я напоминаю о раковине, он сразу гаснет и морщится.

–Потом.

–Почему? – я делаю наивное лицо.

–Ну, давай, – тяжело вздыхает он.

Серега неохотно встает с дивана, топает на кухню, усаживается под раковиной, вздыхает. Собравшись с духом, он откручивает трубу, и подает ее мне.

–На, промой.

–Купишь машину, будешь меня звать менять колеса? «Они же грязные!» давай ты уж все сам, открутить и сломать, я и сама могу. Заканчивай с сантехникой, а я пока приготовлю суп на вечер.

О, как он на меня смотрит. Вот вам семейная жизнь в картинках. Мне дико захотелось остановиться и подумать, хочу ли я этого прямо сейчас.

Обнаружив, что в доме нет хлеба, я радостно бросаюсь одеваться. Забывая, о своем твердом намерении, не покидать квартиру в ближайшие дни.

–Ты куда? – ловит меня Серега у самых дверей.

–За хлебом, я быстренько.

–Надо было утром купить.

–Я никуда еще не ходила.

–Как можно, чтобы в доме не было хлеба...

Я хватаю шляпу, выбегаю из квартиры плащ застегиваю на ходу. Уже в лифте вспоминаю, что синяк еще не прошел. Хочу вернуться, но представляю себе возмущение Сереги, и глубже надвигаю на глаза шляпу. Только бы никого не встретить!

Бреду по улице задумавшись, вижу только мокрый асфальт и острые носы сапог. Первые желтые листья, лужи, толстых голубей, шустрых воробьев. Иду и не знаю, чего хочу. Жить одна не хочу, надоело – тоскливо и однообразно, но и делить свою свободу на двоих – ругаться, мириться, стучаться лбами каждый день, ой, не надо! Наверное, мне рано заводить семейную жизнь. Или дело в Сереге? Он же бывает таким ласковым, заботливым и... и занудным. Будет свои порядки наводить, носки везде раскидывать, ему надо готовить вовремя, котлеты, пельмени. Футбол вместо хорошего фильма смотреть. Да еще...

Я во что-то упираюсь и останавливаюсь, упорно хочу сдвинуть преграду.

–Девушка.

–Ну что еще? – бурчу я, глядя в асфальт.

–Девушка, – в голосе слышна улыбка.

Я поднимаю глаза, черный кожаный плащ прямо у носа, задираю голову. Сердце заколотилось и замерло. Откуда он здесь? Мой питерский незнакомец. Так не бывает!

–Извините, что прервал ваши мысли, но столкновение было неизбежно, – говорит тот самый голос.

И правда, мы столкнулись на узком перешейке между двумя огромными лужами. Я стою, как дура, не знаю что сказать. Только смотрю на него во все глаза. Он улыбается.

–Может, тогда уж познакомимся?

–Да, – выдохнула я.

–Александр.

–Знаю, – чуть не ляпнула я, вспомнив, как в электричке к нему обращались друзья, – а я Лиза.

–У вас чудесное имя. Вы спешите?

И тут я вспоминаю про синяк. Я уже готова сказать «спешу», мне становится плохо, очень плохо. Это он, а я! Что он подумает!

–Да, я спешу!

–Жаль, а можно вам позвонить?

–Да, – сияю я.

–А номер?

Он смотрит насмешливо, значит, заметил синяк. Я торопливо называю телефон, он обещает запомнить, а я так хочу, чтобы он записал. Ведь забудет же!

Мы еще потолклись на пяточке и разошлись, я вспоминаю, что спешу и бегу. Несусь по лужам, и ругаю себя последними словами. Выдыхаюсь, перехожу на шаг, площадная брань кончается. Остается тупое негодование. Ворчание незаметно сложилось в стишок:

До чего же я умна, просто загляденье,
И под глазом светиться синее виденье,
И мужчинам нравится, просто мастерица,
В эдакое чучело, как же не влюбиться?!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЧАС ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ.

Все врут, что самое худшее ждать и догонять. Когда за кем-то бежишь, ты действуешь, нет ни секунды на тоску и панику. Ждать – вот, что самое отвратительное. Я завидую тем, кто умеет ждать. А я не могу отвлекаться от этого занятия, ни на минуту: сижу – жду, мою посуду – жду, читаю – жду. Сплю – тоже жду. Я жду звонка!

Ведь знаю же, знаю, что не позвонит. И все равно смотрю на телефон, как на икону. Он и не собирался запомнить мой номер, а я дура, дура. Решительно заставляю не думать о вчерашней встрече.

Время идет, и вот уже смотрю в окно электрички, мимо несутся желтые березки, угрюмые потемневшие елки. На коленях стоит корзинка с грибами, остро пахнет осенним лесом, электричка шумит весело, ехать еще долго. Серега сидит рядом, уткнувшись в газетку, зря в электричке торгуют газетами, поговорить не с кем, все читают. От нечего делать разглядываю пассажиров: напротив седой старичок в серой кепке, тоже с грибами. У входа огромная тетка в красном пуховике. Как ей не жарко? Трое мальчишек сидят, повалившись друг на друга. А эту женщину я знаю, только откуда? Такие крупные черты лица, глаза светлые. Кто же она такая? Жанна! Точно, это же Жанна из моего сна. Нет, выглядит она совсем иначе, но я совершенно уверена, что это она. Стоп, стоп. Это что же получается? Во сне, в XVII веке та же самая тетка, что здесь в электричке?

Выходит, она мне снилась, только совсем другая: темноволосая, смуглая. Сама-то я во сне, вообще мужчина. Нет, от таких рассуждений совсем спятить можно. Я перевожу взгляд на спящих мальчишек, устраиваюсь на плече Сереги, закрываю глаза...

Телегу нещадно трясло, большие колеса гремели по мостовой, старая кляча вяло махала из стороны в сторону драным хвостом, шла неровно, дергала телегу. Рассвет едва занимался, еще не освещал узкие улицы. Пахло сыростью, первый морозец ползал по коже. Я жалась, дрожа от холода и страха на маленькой кучке соломы. Тонкая изорванная рубашка не спасала от пронизывающего ветра. Меня, как настоящую ведьму, везли греться на костре. Над ухом кто-то басил самоуверенно:

–Охрана так уверенна, что после пытки я уже не сбегу, даже не связали! А зря, герцог больше пугал, чем мучил, а клеймо мне не помешает.

Монахи шествовали рядом с пудовыми свечами.

–Отпевают, гады, козлиными голосами, мою бессмертную душу. Бояться, не успеть. Смотри-ка, палач вышагивает впереди, сволочь, важный и жирный, ручищи в бока упер. И подмастерье здесь же, еще жирней хозяина. Чтоб они оба сдохли!

С трудом подняла тяжелую голову, я так замерзла, что зуб на зуб не попадал, посмотрела на говорившего. Молодой здоровенный детина, похожий на крестьянина чесал пятерной капну спутанных волос, хитро поглядывал по сторонам.

–До площади еще далеко, успею нырнуть в темный переулок, главное выбрать время.

Здоровяк окинул меня критичным взглядом, как товар на рынке. И хмыкнул разочарованно:

–Худая как мощи, смотреть не на что. Другая в одной рубашке выглядела бы аппетитнее, а ты синий кузнечик. Глаза от страха больше рта. А вот если тебя откормить, переодеть, то я бы... да-а, если меня сожгут, то за похоть...

Неожиданно, палач споткнулся и растянулся прямо перед клячей. Лошадь шархнула, телега накренилась, монахи пороняли свечи.

–Ой, мамочка!

–Пора! По-ра...

-Лиза, Лиз, проснись, приехали.

Ну, зачем, зачем на самом интересном месте? Хоть бы узнать сбежал ли он... и я или нет?

Сергея тормозит меня и твердит, что приехали. Я неохотно стряхиваю с себя сон. Здорово, все-таки почувствовать себя в чужой шкуре, судя по всему, той ведьмочке не больше пятнадцати лет.

–Пошли, пошли к дверям, – суетиться Серега.

–Подожди, пусть люди выйдут.

Я сладко потягиваюсь, не спеша застегиваю куртку, ищу глазами женщину, которую приняла за Жанну. Наверное, из –за нее мне и приснился сон про... про все это. В XVII веке ведьм на кострах уже не жгли или жгли? Я так загрузилась этим размышлением, что едва не навернулась со ступенек. Грибы раскатились по асфальту.

–Лиза! Что ты делаешь?! – завопил Серега.

Паникер несчастный! Сажусь на корточки подбирать опята. Серега что-то возмущенно бубнит, лучше бы помог. А я все думаю про свои странные сны, откуда они взялись? Романы исторические не читаю, фильмы не смотрю – взрослые люди рядятся в смешные кружева и банты, машут оружием, чушь собачья! И вдруг такое, главное все про меня. Столько деталей, подробностей! Откуда? Все что еще помню из школьной программы, а там-то уж точно не было ничего подобного. Ну, откуда все эти фехтовальные приемы...

–Лиз, о чем ты так задумалась, очнись!

Опять Серега, мы уже пилим в троллейбусе, надо же, совсем дороги не заметила.

–Лиза, ты меня слушаешь?

–Да, да, конечно.

–Так вот, я говорю, чего тянуть, давно пора покупать.

–Пожалуй, – бормочу я, совсем не понимая о чем речь.

–Нет, ты скажи, разве я не прав? – наседает Сергей.

–Прав, конечно.

–Не увливай, я тебя знаю. Наверняка, ты против, просто спорить не хочешь. А потом скажешь, что так и знала. Выкладывай свои аргументы.

–Потом, дома.

– Не тяни резину в долгий ящик. Говори.

На мое счастье, на другом конце троллейбуса освобождается место. Я бросаюсь туда. Серега отстаёт и опять уходит в свои подсчеты. Хмурится, шевелит губами. Интересно, все таки, что он там придумал. Ладно, дома спрошу. Отворачиваюсь к окну, на стекле капельки дождя. Мимо ползут хмурые дома, облетающие березки, зонты. темнеет, что-то скрепит, совсем как телега во сне. И что этот странный сон может значить? А прошлый? Если разбирать по Фрейду то... черт его знает! Там я мужчина. Это, что подсознательное желание быть мужиком или изощренный сексуальный изврат? Боже упаси! Бриться в жару и холод, ходить в брюках и еще эти глупые галстуки! А лысины! Нет, что хорошо во сне, наяву невыносимо. Дурак, этот Фрейд!

Стоявшая рядом женщина смотрит на меня и пятится. Да, представляю, какую рожу я сквасила от таких мыслей. Моя остановка. Делаю лицо попроще и пробираюсь к выходу. У самых дверей огромная грязная лужа. Шагаю остороженько, Серега хватается за руку, тащит куда-то.

– Быстрей, закроется!

– Что закроется?

– Банк! Ну, чем ты слушала?!

Я решительно торможу.

– В банк сейчас не пойду, ни за что!

– Нет, надо сейчас, пока не закрылся, час остался.

– Не пойду!

Я надуваю губы, а Серега смотрит на меня как на невероятного синего зайца с рогами.

– Почему?!

– В этот новый банк не пойду, там все такие крутые, а я не одета.

– То есть?

– В джинсах, старой куртке, сапогах, с грибами, грязная. И вообще, я не накрашена! Пойдем завтра!

– Завтра суббота! – вопит Серега так, будто суббота конец света.

– Тогда в понедельник, – я никак не понимаю причину его истерики.

– Ждать еще неделю!

– Всего два дня!

– О боже! Я же тебе объяснял, автомобильный рынок работает только в выходные.

– Так ты решился купить машину, – начинаю понимать я.

– Я тебе уже битый час об этом твержу. С тобой говорить невозможно! Сейчас сниму деньги, а завтра – на рынок.

– Иди куда хочешь, а я домой! Я устала и выгляжу как бомж. Самое время шастать, по крутым банкам.

– Ну, хоть на улице подожди!

Я уступаю и консенсус найден. Мы несемся к банку. К центральному входу ведет тенистая аллея, вся засыпанная желтыми листьями. Хорошо, что строители оставили деревья на месте.

– Я тебя тут подожду, листьями пошуршу.

– В лесу не нашуршалась? Ладно, я быстро.

– Стой, грибы оставь. У тебя хоть паспорт с собой?

– Все документы здесь, – он с важностью, похлопал себя по карману и бегом побежал к мраморной лестнице.

Я осталась с двумя огромными ведрами, резко пахнущими лесной сыростью. Ждать совсем не хочу! Хочу домой – раздеться, помыться и плюхнуться у телика. Вот-вот, начнется классный боевик. Все нормальные люди уже на своих диванах, пьют чаек, на улице только я

одна, как дура. Нет, смотри-ка, еще двое парней заходят в банк, неужели тоже спешат завтра на авто-рынок? И чего Сереги так приспичило покупать машину? У него и родительских денег – то хватит только на развалюху, купит крутой запорожец и будет страшно гордиться. При нынешних ценах на бензин, дай бог, выберемся разок на шашлыки, а потом будем только мыть машину и ремонтировать.

Настроение мое портиться, с каждой минутой. Я мерзну и злюсь. Ну, сколько можно?! Вон парни уже вышли, стоят курят. Круто, я стою за кустом, наблюдаю, а они меня и не видят. Только Серега-то куда провалился! Собираю последние остатки терпения, прыгаю чтобы согреться, мысли мои письменно передать можно только многоточиями и восклицательными знаками. Вспоминаю то родителей, то отдельные части тела. Наконец-то, Серега выплывает из дверей с идиотской улыбкой. Так и светиться, человек – прожектор. Неспешно спускается, вышагивает важно, как гусь! Парни сразу двинулись к нему, чего еще?

–Пистолет, честное слово, у одного из парней пистолет!

В меня черт вселяется, я пулей вылетаю из-за укрытия, несусь к ним. Я точно знаю, что сильнее их. Успеваю заметить удивленные рожи. Хватаю парня за запястье, выкручиваю руку, пистолет падает, пинаю его в траву. Парень наклоняется за ним, я с размаху ребром ладони бью по бритому затылку, грабитель падает. Второй худой, длинноволосый, замахивается, я нагибаюсь, он опять замахивается, я не ставлю блока, продлеваю его движение и отступаю, он грохается мордой вниз, воет что-то, про мою мать. Я оборачиваюсь к Сереге, таким обалдевшим мне еще не приходилось его видеть.

–Бежим, быстро!

Он торчит, как фонарный столб.

–Надо милицию, – мямлит мой храбрец жалостно.

–Не советую, – слышу я уверенный, зычный голос.

Охранник из банка, весь закомуфляженный, как спецназовец, вальяжно прислонившись к зеркальной двери, нагло смотрит на меня.

–А ты ничего!

Один побитый соскребает себя с асфальта. Я хватаю Серегу за руку и тащу к нашим ведрам. А ведер-то и нет! Уже спер какой-то паразит!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧУДЕСА, ДА И ТОЛЬКО!

До самой квартиры, я шагаю крайне решительно, думаю только об украденных грибах. Переступаю порог и коленки сразу подгибаются, я плавно сажусь на пол. Вся дрожю мелкой дрожью и слова сказать не могу.

–Лиза, что с тобой?

Я молчу, Сергей стаскивает с меня грязные сапоги, сгребает меня в охапку и тащит на диван, устраивает удобно, садиться рядом.

–Успокойся, тише, тише, все уже кончилось!

Я утыкаюсь в него как в подушку и громко рыдаю. Правая рука сильно ноет, я прижимаю ее ладошкой к груди и крепко держу второй рукой, будто потеряй.

–Лизонька, Лиза!

Серега гладит меня по голове, а я от этого еще больше реву. Мне так страшно просто ужас. Он сует мне свой огромный носовой платок, спрашивает тихо:

–Пить хочешь?

Я киваю, икаю как в детстве, вытираю мокрые щеки, сморкаюсь и всхлипываю. Серега возвращается с водой. На его куртке темное пятно от моих слез. Я хватаюсь за стакан обе-

ими руками, жадно пью, успокаиваюсь. Мой успокоитель стягивает с меня куртку, спрашивает участливо:

–Чего ж ты теперь рыдаешь? Возле банка вела себя как Рембо, а теперь раскисла.

–Я не знаю... как я все это...

–Ты где русскому стилю училась?

–Я никогда ничему не училась. Я только балетом в детстве занималась.

–И там такому учат?! – Сергей даже сел.

–Нет, я ... не знаю... я .. я была сама не своя...

–Как будто не в себе? – подсказывает Сергей.

–Нет, наоборот, больше в себе, чем всегда. Я как будто освободилась или проснулась, как будто так и должно быть. Теперь я замерзаю, так всегда после слез. Я тяну на себя плед, кутаюсь, поджимаю ноги.

–Так ты не умеешь драться? – все не верит Серега.

–Совсем, совсем... – мотаю я головой.

–А этот прием с пистолетом?

Меня даже передернуло.

–Я страшно боюсь оружия. Я вся цепенею от страха.

–Ну, ну, я видел.

–Нет, правда, ты же сам знаешь, какая я трусиха.

–Знал, до сегодняшнего дня.

–Я сама не знаю, что это было!

–Боевиков насмотрелась, – решает Серега, – вообразила себя Чаком Норисом.

–Мне кажется, все было совсем не так, – пытаюсь объяснить я, – я ничего не воображала... я была сама собой, но ничего не боялась... знала свою силу... как в том первом странном сне, помнишь, я тебе рассказывала?

–Во сне тебя прибили!

–Но, пока не прибили, я чувствовала себя такой свободной. Тело само знало, что делать.

–Это называться память тела, – авторитетно заявляет Серега, – только откуда оно у тебя такое помнит?

–Представления не имею, – пожимаю плечами я.

–Чертовщина, какая-то!

Вот сижу и не верю, что это было со мной на самом деле. Правда, чертовщина какая-то, и есть так хочется!

–Амлет, будешь? – Серега будто мысли читает.

Я радостно киваю. Амлет я не люблю, но такой вкуснятины, я еще не пробовала. Правду говорят, что голод – лучшая приправа. Смотрю, как мой сожитель моет посуду, и плющусь от нежности. До чего же Серега бывает хорошим, жаль, редко!

–Серый, я тебя люблю!

За это заявление я получаю такое море нежности и ласки, что едва не тону. Утро субботы я не забуду еще долго. Давно мои глаза так не увеличивались от удивления. Пробуждаюсь, как Белоснежка от поцелуя. Лежу, боюсь открыть глаза. Серега тихонько шепчет мне на ушко:

–Засоня, вставай!

Я потягиваюсь, жмурюсь, растягиваю удовольствие.

–Завтрак подан!

–Что? – разом просыпаюсь я.

На тумбочке у кровати красуется поднос с аппетитными бутербродами и одуряюще пахнущее кофе.

–С молоком, как ты любишь, – хитро улыбается Серега.

–Откуда вдруг такая красота?

–Из леса вестимо!

Я усаживаюсь, сую подушку за спину, беру поднос, набрасываюсь на бутерброды.

–Ветчина! Обожаю!

Уплетаю за обе щеки, но все-таки, не выдерживаю, спрашиваю с набитым ртом:

–В честь чего ты такой замечательный?

–Так, захотелось, – пожимает Серега плечами, – суббота, день хороший.

–А-а, это ты после вчерашнего, испугался, что я дерусь?

–При чем тут это?! Это случайность... просто... ты вчера так плакала, а сегодня будешь только улыбаться! Я обещаю!

–Обещаешь? – я недоверчиво шурюсь.

Обжигаюсь кофе, но так нестерпимо улыбаться. Смотрю на будильник.

–Ого, уже полдвенадцатого! И каков наш план действий на субботу?

Серега притворяется обиженным.

–Ты забыла?

–А, Мерседес, – вспоминаю я, идея покупки машины уже не кажется мне такой глупой.

И тут Серега меня снова удивляет:

–Знаешь, я конечно в машинах разбираюсь и в мастерской год работал, но все равно, как-то побаиваюсь покупать сам, такие деньжищи! Куплю еще какую-нибудь дрянь! Короче, пошли со мной, тебе тоже в ней ездить.

–А что мне там делать? – протестую я.

–Пошли!

–Там же скучатища!

–Но, там есть такие тачки, – горестно вздыхает Серега.

Я соглашаюсь, может быть и правда, там есть на что посмотреть. Я весело собираюсь, крашусь, и мы едем. На одном автобусе, другом, третьем. По мере удаления от центра, транспорт все страшнее. Начинали мы с новенького блестящего немецкого автобуса, теперь трясемся на куче ржавого металлолома. Нюхаем бензин, слушаем скрип и скрежет. Меня укачивает, молчу и медленно зеленею. Мой спутник смотрит виновато.

Наконец-то, полуживая я выползаю на твердую землю, ноги подкашиваются, готова опуститься прямо на грязь. К счастью, мне подвернулась шаткая скамейка. Сажусь, дышу изо всех сил. Кругом лежат распаханые поля и торчат жидкие деревца.

–Где же твой рынок? – спрашиваю я с неприязнью.

–За твоей спиной холмик, мы его обогнем и все! Там кофешки, шашлыки, потом перекусим, отдохнем!

Мой желудок ломанулся наружу, но вернулся на место.

–Фу-у, можешь ты помолчать пять минут?!

Вот он – мужской рай и ад! Как у них горят глаза при виде этих вонючих железок. Грудь колесом, походка величавая, вид победный. Друг на друга смотрят свысока, беседуют степенно, со знанием дела.

На мой взгляд, мы зашли не туда. Со всех сторон сверкают и переливаются на солнце громадные новенькие джипы, скалятся радиаторы, машины пучат квадратные фары. Серега смотрит на этот парад тяжелой техники счастливо и растеряно, как ребенок в магазине игрушек. Бедный мой Серега всех его сбережений хватит разве что, на одно колесо такого монстра. Он даже спрашивает цену одного темно-синего джипа. Хозяин топорщит пальцы, выпячивает пузо и загибает такую цену, что мне и представить страшно. Глаза Сереги гаснут, плечи понижают, шаркающей стариковской походкой, тащиться он дальше. Я за ним, иду тихонько, боюсь напомнить о себе. Ну, чего расстроился, дурак?! Ведь сразу знал, что такая машина ему не по карману. Идет, чуть не плачет, как маленький мальчик, что луну не достал. Справа, слева уже не хищные джипы, а уважаемые мерсы и форды, только роус-ройсов не хватает. И сереб-

ристые, и ярко-красные, большие и спортивно плоские, ослепительно белые и мутно-фиолетовые, то с четырьмя дверцами, то с двумя. Серега уже и не смотрит, а я наоборот кручу головой. А где же прячутся недорогие, старенькие, битые, вполне пригодные, которые покупают не для понтов, а для дела?

Ряд кончается, мы поворачиваем, и тут Серега бросается вперед, как барс на добычу. Я ничего не понимаю, смотрю на него с тупым видом:

–Ты куда?

–Лиза, Лиз, это же она! – кричит Серега, не оборачиваясь.

–Кто?

Я начинаю искать среди продавцов и покупателей знакомую женщину, но тщетно! Женщин вокруг не больше, чем розовых слонов. Несусь за Серегой. В этом ряду сразу видно, что машины здесь значительно дешевле и народу гораздо больше. Толпятся, толкаются, прут на пролом с какими-то не мыслимыми железяками. Серега пропадает из вида за каким-то толстяком. Куда он рванул? И что за антилопа гну его так привлекла? Наконец, я обнаруживаю Серегу. Он уже расплачивается. Вот это скорость! Смотрю, за что он платит, и... и глаза лезут из орбит. Он с ума сошел! Лучше бы трактор купил! А он оборачивается счастливый, хватая меня за руку.

–Смотри, смотри, это же форд 1945 года!

–Он что, коллекционный? – спрашиваю я растерянно.

–Нет, серийный, таких сохранилось много, коллекционеры такие не берут. Тут еще вмятина, короче мне еще уступили за полцены!

–Ты отдал все деньги?

–Должен еще пару тысяч, займу у Лехи.

–Эта рухлядь дороже хорошего «москвича»? – возмущаюсь я.

–Конечно! – радуется Серега, – мне страшно повезло!

–Она хотя бы ездит? – не верю я.

–Да, представляешь, простояла больше двадцати лет в гараже и все еще на ходу!

Я морщусь лоб, считаю возраст консервной банки.

–Ей же скоро шестьдесят!

–Ага, – констатирует Серега восторженно.

–Боже мой, – вздыхаю я, грустно рассматриваю машину.

Черный форд, точно как автомобили в фильме про Штирлица. Двери открываются шиворот навыворот, стекла мутные, в боку вмятина, салон ужасный, воняет бензином и еще какой-то гадостью. Я готова возмущаться, но обо мне уже забыли. Серега влюблено глядя на невзрачного старичка азартно, как футбол, обсуждает с ним запчасти: свечи, карбюратор, коробка передач, стартер, тросики, гранаты, колодки. Аккумулятор, подвеска, стойки, выхлопная труба и бензобак...

Я смертельно заскучала. Отошла в сторонку, рассеяно смотрю на толпящихся мужиков со всякими странными железяками и старательно гашу раздражение. Чтобы рассмешить себя представляю, как один мужик с размаху надевает другому на шею сразу две покрышки. Сверху еще одну, а вон, вон тот пузатый тужится и сдувает огромную кепку с грузина, тот обижается и давай тыкать толстой ржавой трубой ему в пузо. А мужик в костюме хватается не крашенное автомобильное крыло и долбит им всех подряд...

Щиты разлетались вдребезги, палицы* и секиры** крушили шлемы и кирасы.*** Мечи сверкали на солнце, как молнии, рассекали всадников до седла, кони дико ржали, сталкивались в страшной тесноте. Стрелы летели как стаи пчел, их нектар – смерть. Грохот, скрежет, крики, стоны, хрипы. На белых плащах алая кровь и грязь. Кресты христиан и полумесяцы мусульман – все смешалось! Небо закрыли знамена и проклятья...

–Лиза, ты чего?

–А...

–У тебя такое лицо, будто ты на войне!

–Я и была...

–Где? О чем ты?

Смотрю на Серегу, вокруг себя, стою там же, кругом народ мирно толчется. Ощущение такое, что не была здесь очень давно. Где-то там, где я была только что, провела всю жизнь. Надо же, я видела все как наяву, даже ярче. Там и пахло не бензином, а как-то страшно – смертью, войной.

–Не впадай в транс, ждать уже не долго. Осталось часть документов переоформить. Это можно сделать здесь же, рядышком, остальное в ГАИ позже.

Серега тащит меня за руку, я покорно плетусь следом, совершенно оглушенная. Дожилась, наяву брежу. Понимаю еще сны смотреть, но так...

Сажу на скамейке, жду Серегу. Хочу есть, пить и спать. Хочу домой! Ну, сколько можно?! Серега подбегает злой, взъерошенный.

–Лизок, дело затягивается еще на часика полтора, может, пока посидишь в кафе, поешь чего-нибудь?

Я решительно встаю со скамейки:

–Раз так, я отправляюсь домой, поесть приготовлю. Борщ будешь?

Серега с неохотой меня отпускает, и я тороплюсь на остановку. На удивление недолго жду маленький, вонючий автобусик. Трясусь в нем, пересаживаюсь, зеленею, матерю транспорт. Но все таки, добираюсь с грехом пополам домой. И первым делом – к телефону. На автоответчике тишина! Когда, когда он позвонит? Да, ну что ж, вздыхаю, мой замечательный Александр давно забыл мой номер!

Серега вернулся больше чем через три часа. Когда у меня уже был готов суп и даже компот. Я уже перестала переживать, что вместо мягкого сиденья новенькой машины, меня обратно привезли, мяли и трясли садисты – автобусы. Я успела отдохнуть и успокоиться. Серега усталый, но счастливый наворачивает борщ.

–Суп замечательный, ты классно готовишь!

–Это ты говоришь? – я не верю своим ушам.

–Я.

–Повтори.

–Ты классно готовишь.

–Еще, еще, – смеюсь я.

–Еще здорово печешь, стираешь, вяжешь, – стал загибать пальцы Серега, – еще эротично моешь пол.

Я притворно отворачиваюсь, Серега крадется, обнимает сзади, и шепчет на ухо:

–И любовница самая лучшая!

Вы целовались когда-нибудь с бензовозом? О, бездна ощущений! Только нос лучше зажать.

–В ванну, быстро!

Серега мчится галопом в ванну, выглядывает из-за двери:

–А тебе белый очень пойдет!

–Это ты о чем? – настораживаюсь я.

Мой сожитель опять выглядывает, но переводит тему:

–Знаешь, почему я эту машину купил? Потому что она моя!

–В смысле?

–Вот ты вчера вспомнила каратэ, а я сегодня – свою машину. Это я ее разбил, только-только из Берна выехал, и в столб. Дурак пьяный! Хорошо машину развернуло боком, я только ногу сломал.

–Когда? – тупо спрашиваю я.

–Году так... в 48.

–Сколько же тебе было?

–Лет сорок. Реинкорнация.

И дверь закрывается. Я загружаюсь, выходит не я одна такая странная. Неужели, каждый помнит, что-нибудь эдакое?! Но Серега опять не дает додумать:

–Лиз, выходи за меня замуж, – доносится из-за двери и тут же неистово начинает шуметь вода.

Я будто громом пораженная, дохожу до зала, опускаюсь на диван. Вот уж чего от него не ожидала! Так он хочет со мной всю жизнь прожить, а я все время думаю о другом. Придумала себе великую любовь. Сережка вот он, живой и веселый, а тот, мистический герой где? От телефонного звонка вздрагиваю всем телом. Хватаю трубку.

–Алло?

–Добрый вечер, это Александр...

*палицы – дубины с металлическими наконечниками.

**секиры – большие топоры на металлической рукояти.

***кирасы – часть рыцарского доспеха, защищающая грудь и спину.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СХОЖУ С УМА.

Честное слово, хотела все спокойно обдумать еще вечером, но я так устала от чудес этого дня, что думать совсем не могла. Да и Серега мешал изо всех сил.

Просьпаюсь медленно-медленно. Воскресенье – святой день. Тянусь, ленюсь, только бы не открывать глаза. Свидание назначено на семь вечера, вот тогда и начну беспокоиться и выбирать. Щеки гладит мягкое осеннее солнышко, хорошо! Телефон заходится в истерике, раздирает мой ленивый рай. У-у, гады!

Серега тычет трубку под ухо:

–Это тебя, Маринка.

Я морщусь, Маринка работает в милиции, вырабатывает командный голос, вечно звонит не вовремя.

–Лизка, где вы вчера были? Я звонила весь день, где вас черти носят?

–Что у тебя случилось? – сонно спрашиваю я.

–Это у тебя случилось! Ты в розыске!

–Что?! – резко сажусь на кровати, сна как не бывало.

–Проходишь по делу, как подозреваемая в убийстве. Ордер на арест пока не выдали, но думаю, скоро будет.

Она сыпет терминами, я ничего не понимаю, трубка в руке дрожит.

–Я никого не...

–Спокойно, ты где была шестнадцатого в девятнадцать часов пятнадцать минут, у отделения 172596 по 50 лет Октября?

–Что? Когда?

–Позавчера, перед самым закрытием была в Бизнесбанке напротив твоего дома?

–Да, но я...

–Спокойно, драка была?

–Да, но...

–Так, свидетель видел, как ты убила парня. Как было дело?

Я могу только не членораздельно мычать.

–Соберись, – командует Маринка, – утром на ступенях банка нашли труп со следами побоев. Камера работала на наблюдение, записи нет, но охранник подробно тебя описал. Компьютер – сволочь, сразу выдал имя и адрес, тут теперь про всех есть. Вспоминай!

–Я ... я видела, как они оба встали и пошли, и Серега видел.

–Оба? Серега видел? Хорошо! Результатов экспертизы еще нет. Вечно тянут! Дай бог, этот урод умер не от твоих ударов. Но пока все не выяснится, тебя могут продержать в обезьяннике.

Я становлюсь холодной, как покойник, язык не слушается, звуки доносятся словно изда- лека:

–Лиза, слушай внимательно! – говорит Марина спокойно и уверенно, – тебе надо исчез- нуть хотя бы на пару дней. Родня, друзья не подходят, сразу проверят. Погоди, есть идея, я перезвоню!

В трубке гудки, в сердце ужас, в теле дрожь. Боже! Боже! Боже! В голове ни единой мысли. Губы сами шепчут молитвы. Господи, спаси! На кого еще остается мне надеяться?! Серега спрашивает:

–Что случилось?

Ничего не вижу, ничего не слышу, говорить не могу. Сижу, вцепившись в телефон. Гос- поди, господи!

Звонок! Я пугаюсь так, что роняю телефонный аппарат. Серега держит трубку сам, я еле хриплю:

–Алло.

–Так, слушай, – из трубки доносится командный голос Маринки, – я нашла вариант. Ты слушаешь?

–Да...

–Так. Сейчас бери сумку, кидай туда документы...

–Какие? – тупо стону я.

–Паспорт, полис. Дальше, халат, тапки, белье, зубную щетку, мыло. Что еще? Деньги возьми, могут пригодиться!

–Зачем это все?

–Собирайся! Сдам дежурство и через минут сорок заеду.

Опять длинные гудки. Не думая, не чувствуя, мечусь по квартире, собираю вещи. Серега ходит за мной хвостом.

–Что происходит, Лиза?

Я объясняю чужим голосом, бестолково смотрю на пакет с попугаями, что еще взять с собой?

–Лиз, все образуется, мы же видели, что он жив! Экспертиза все докажет! Только надо переждать пару дней. Я с тобой.

Он обнимает меня, я утыкаюсь ему в плечо, и плачу, но... звонок в дверь. Я готова со страху лезть под кровать или прыгать в окно. А Серега уже открывает дверь, Маринка, слава богу!

–Так, ты готова? Собралась? Почему все еще в начнухе? Одевайся, быстро!

Я открываю шкаф, она отодвигает меня, сама быстро выбирает вещи, кидает их мне, командует Серегой.

–Да, нужен комплект постельного белья, положи. Расческу, взяли, нет? Клади, зеркало тоже. Лиз, быстрее, шевелись!

Уже в машине спрашиваю:

–Куда мы едем?

–В больницу, я договорилась со своей теткой, пересидишь в ее отделении.

–Найдут!

– Там и искать не станут, – странно улыбается она.

Я возмущенно смотрю на нее. Нашла время шутить. Еще года не проработала в милиции, а уже так изменилась – говорит резко, командным голосом. Одевается строго и скучно, волосы обстригла, лицо сразу заострилось. Не девушка, а служебный рапорт.

«Куда это мы едем? Загород? Зачем?» Мимо мелькают тополя, я никогда здесь не была. Маринка сворачивает влево, на разъезженную, грязную, без асфальта дорогу.

– Все, почти приехали!

Действительно – все! Впереди только пустырь, грязь, кусты и руины пятиэтажки. Здание, потемневшее от времени, с отвалившейся штукатуркой, разбитые ступени крыльца, рыжие от ржавчины двери, мутные окна за жуткими решетками.

– Что это?

Ужас уничтожает во мне все остальные чувства и мысли. Ответ уже не потрясает меня, а добивает окончательно:

– Психушка, – буднично сообщает Марина, – ты не пугайся, внутри немного приличней. На ремонт все денег нет. Финансируют в последнюю очередь.

– Главное чтобы этот кошмар быстрее кончился. Я не собираюсь встречать новое тысячелетие в психушке!

– Не бойся, до нового года еще уйма времени. Но вообще-то, лучше быть здесь, чем в тюрьме. Пошли.

Я тащусь за ней. Внутри у меня холодно и пусто, как в морге. Оказалось, «приличней» – это тоже самое, только вымазанное в белый цвет: потолок, стены, решетки, мебель, хмуро-сонные санитарки. Заходим через диспансер. Здесь еще терпимо, похоже на обычную поликлинику: регистратура, длинный коридор, двери кабинетов, лавочки, хмурые унылые посетители. Марина шагает уверенно, открывает двери, заглядывает, здоровается, тащит меня дальше. Резким жестом указывает мне на лавочку у стены:

– Сядь, подожди.

Она заходит в кабинет и пропадает. Время тянется томительно медленно. Ничего не происходит. Кругом тихо, пусто, страшно. Я с тоской гляжу на оконные решетки. Почему-то, их вид особенно угнетает. Ожидание похоже на вязкую головную боль. Недавние шустрые тревожные мысли, превращаются в медленное тягучее отупение. Даже лень посмотреть на часы. Какая разница!

Стук двери, Марина подает новую команду:

– За мной, быстро.

Стремительно идем по коридору, поворачиваем за угол. Нас сопровождает костлявая тетка в белом халате. Дорогу перекрывает новая решетка, тетка достает из кармана ключ, отпирает железную дверь, мы проходим, и она запирает ее. Идем дальше. Опять решетка, снова тот же ритуал с ключом. Меня опять оставляют на скамейке, я покорно жду, наблюдая, как другие тетки, видимо работницы этого чудного места, привычно отпирают и запирают решетки, каждая своим ключом. Марина манит меня на лестницу, молча поднимаемся, преодолеваем еще одну решетку, подруга указывает на ближайшую дверь.

– Так, заходи, это твоя палата. Твой дом на ближайшие двое суток. – Она подталкивает меня в открытую дверь, – ну, смелей.

Первое что я вижу – частый переплет порыжевших от ржавчины решеток на окне без штор. Стены противно зеленые, шесть коек в ряд.

За спиной хлопает дверь, я резко поворачиваюсь назад, взгляд упирается в облупившуюся краску. Заперли! Замуровали демоны!! Затылком чувствую, что меня разглядывают. Поворот. Прижимаюсь спиной к двери. На меня настороженно глядят четыре пары глаз. Тревожная тишина. Сжимаю зубы. С наглым лицом иду к пустой кровати у стены. Ставлю свой пакет на пол, сажусь на нее и проваливаюсь так, что колени оказываются у самого подбородка.

Ничего себе, сетку растянули! Скриплю, устраиваюсь, шуршу пакетом. Глаз не поднимаю. Все молчат. Звук голоса раздается внезапно, я так и подскакиваю.

–Тише нельзя?

–Нет! – выпаливаю я неожиданно резко.

На соседней кровати из под одеяла поднимается лохматая голова, поворачивает ко мне удивленное лицо.

–Ты новенькая? Тогда понятно. Как зовут?

–Елизавета.

Я стараюсь держаться с достоинством, но чувствую, что выгляжу крайне глупо. Видны только мои тонкие ножки, колени и сразу – голова. Вот тебе и ноги от ушей.

Обладательница лохматой головы оказалась тучная особа с крупными, но довольно красивыми чертами лица и темными кудрями.

–Мария, – произносит она, усаживаясь, потом кивает в мою сторону, и спрашивает, – Это кто так тебя?

Сразу понимаю о чем речь. Синяк почти прошел, и я так надеялась, что его никто не заметит, да видно зря! Я отмахиваюсь, мычу что-то неопределенное. Продолжаем знакомство.

Все молчат. Мария тыкает в них пальцем.

–Ира, Лена, Вера, Пуся.

–Пуся?

–Ее все так зовут. Пуся она и есть Пуся.

Пуся сидит на своей кровати, монотонно гладит рукой по одеялу. Выцветший халат застегнут не на ту пуговицу. Она маленькая, коротконогая, с пухлыми ручками, лицо угрюмое, нос картошкой, глазки водянисто-серые, реснички светлые. Точно Пуся.

–Она тихая, – заверяет Мария.

На вид Пуся еще подросток, но Мария предупреждает:

–Не гляди, что она такая маленькая, ей уже за тридцатник. Самая молодая у нас Верка. Ей всего пятнадцать, из интерната прислали. Там с ней не справляются.

Верка глядит с вызовом. Ничего себе пятнадцать! Девочка – цветочек, борец сумо на отдыхе! Вместо тапочек у кровати – две речные баржи, с сиреневыми бантиками. На зеленом халате ярко красные громадные цветы. Ногти фиолетовые, губы жирно оранжевые, светлые волосы коротко острижены. Лежит, жует.

А мне бедной все хуже и хуже! Хочется скулить и лезть под кровать.

–Че уставилась? – мило интересуется Верка.

Я поспешно отвожу глаза.

–Поесть притащила? – спрашивает Мария деловито, – здесь совсем не кормят, три раза в день разливают по железным мискам какую-то баланду. Приносят прямо в палату, больше всего, эта еда напоминает тюремный паек.

–Нет, – мямлю я.

–Что же ты, так здесь долго не протянешь.

–Мне не надо долго, – возражаю вяло.

–Теперь уж, это не от тебя зависит, – заверяет Мария.

Моя кровать жалобно скрипит, я чувствую себя жалким лягушонком, раздавленным на тропинке.

–Ладно, давай похаваем, – предлагает Мария и заныривает в свою тумбочку.

На белый свет извлекаются печенье, халва, бутерброды с колбасой и сыром, и даже стеклянная банка набитая пельменями. Другие уже тащат сок, хлеб, огурцы. В углу стоит столик, но табуретка только одна, поэтому пиршество устраивается прямо на кровати. Покрывало мгновенно превращается в скатерть самобранку. Ни тарелок, ни стаканов, дикий пикник на обочине

медицины. Все усаживаются на пол вокруг импровизированного стола. Я тоже выбираюсь из своего корыта и присаживаюсь сбоку. Почему-то сразу хочется есть.

–Налетай!

И мы дружно налетаем на бутерброды. И они исчезают, как по мановению волшебной палочки. Следом за ними пропадают огурцы и соленые, и свежие.

Набитые рты вовсе не мешают общению, даже наоборот. Все принимаются болтать не очень членораздельно, но весело.

–Я слышала, к буйным новенького привезли, – рассказывает Мария, – он думает, что он – колибри.

–И что, летает? – усмехается Верка.

–Ага, то с беседки сигает, то с дерева. А недавно с крыши детского сада скоканул. И так как птицы штанов не носят, он и прыгнул, в чем мать родила.

–Разбился? – наивно спрашивает детским голосом Пуся.

–Не, тогда бы его не к нам, а в морг отвезли. Этот летун до смерти напугал воспиталку из садика, а дети его обступили и давай рассматривать.

–Зачем? – спрашивает Пуся.

–Никогда голую птичку не видели.

Я едва не давлюсь от смеха.

–За что же его к буйным, он же не дрался! – деловито интересуется Ирина, не переставая жевать.

–Не, не дрался, – смеется Мария, – он только чуть – чуть поклевал двух ментов и трех санитаров. Рыжий так и светит фингалами.

–Рыжий – это тот громила из мужского отделения?

–Ага.

Я отвлекаюсь от рассказа, ибо с головой ухожу в банку с пельменями. Там осталось уже совсем немного. Скользкие пельмени так и носятся по гладким стенкам, ловко ускользая от нашей единственной вилки. Успокаиваюсь, только словив последний. Облизываю жирный подбородок, запиваю все яблочным соком. Соседки мои жуют печенье, смеются, сплетничают. Я продолжаю их рассматривать.

Ирина, очень худая, с резкими движениями, длинными руками и тонкими пальцами, острыми ноготками, бледной кожей. Часто щурит глаза и морщит нос, кривит тонкие губы. Лицо у нее длинное, и прямые темные волосы это еще больше подчеркивают. Голос у нее неприятный и смех похож на кашель.

Пуся смеется очень тихо, а у Маши красивый грудной голос. Она должна хорошо петь.

Лена больше молчит, ей лет сорок – сорок пять. В русых волосах проглядывает седина. Лицо усталое, на лбу морщинки. Прическа ей не идет – грязный жидкий хвостик.

–Вы слышали, на той неделе ждут спонсоров. Идиоты! – восклицает Ирина, – врачи сами здесь с катушек съехали. Кто им сюда что повезет?

–Сейчас модно телевизоры и видики дарить, – замечает Маша.

–На кой нам тут видик?! Лучше бы пожрать привезли. Без мультиков проживем.

–А я бы посмотрела, – вставляет Пуся.

–Телевизор, конечно, здорово, только к нему надо еще добавить постельное белье и мебель, – вмещивается Верка, – нам в приют тоже привезли телик, а туфли только на малышню. Мы с Юлькой одни на двоих носим.

Мария поднимается с пола, выпрямляется, принимает гордую позу.

–Представьте, девчата, набегут сюда молодые неженатые спонсоры, увидят нас и...

–И околеют.

–Нее, посмотрят и...

–И сбегут.

–Да, нет же, увидят нас и ...

–И превратятся в жаб, – не сдаётся Ирина..

–Ну, тебя, – надувает губы Маша.

–Нет, нет, почему в жаб? – смеется Верка, – почему в жаб – в тараканов. Вон их здесь сколько, видно уже приходили.

Неожиданно дверь распахивается, весь дверной проем занимает громадная фигура в белом халате, женщина так широка, что даже видна не вся. Она громко вздыхает, поворачивается боком и буквально протискивается в палату. За собой тащит тележку, уставленную стаканчиками. Я никогда раньше не видела людей такого размера, разве что в мультиках. Из нее одной можно было бы слепить десяток теток. Непомерно маленькая голова произносит почти басом:

–Лекарства.

Она оглядывает нас, как удав кроликов.

–Быстро!

Все покорно плетутся к тележке, горстями глотают разноцветные кружочки, запивают из крохотных мензурок. Я сжимаюсь в комочек, не знаю, что делать. Взгляд монстра останавливается на мне. Чувствую себя насекомым:

–Тебе ничего, – произносит она, выталкивает тележку в коридор, и тяжело ступая, уносит себя прочь. Дверь закрывается.

–Что это было? – спрашиваю я мертвым голосом.

–Санитарка, Алефтина Африкановна.

–В просторечье – Фрикаделька.

–Это она «фрикаделька»? – не верю я, – скорее слониха.

–Значит, «слонячья фрикаделька», – смеется Пуся.

Как же здесь медленно идет время. Дома день пролетит и не заметишь, а в больнице час как год. Делать совершенно нечего. Скука смертная! Нечем отвлечься от своих мыслей и страхов. Уж скорее бы все разрешилось с этим трупом. Когда Маринка все узнает и заберет меня из этой клетки?! Решетки угнетают. А вдруг это я его убила? Я же была сама не своя. Нет, нет, не думать об этом! Я не попаду в тюрьму, не попаду! Только не я! От тюрьмы да от сумы не зарекайся! Ой, мамочка!! Не думать, не думать!

Все маются от безделья, пытаются убить время. У Лены карты, раскладывает на подушке пасьянс. Верка смотрит в окно, Пуся в синюю стенку, Маша роется в своей бездонной тумбочке, извлекает потрепанную книжонку.

–Кто сегодня читает?

–Я вчера за день пол книги прочитала, – зеваёт Ирина. – Теперь твоя очередь.

Маша устраивается на кровати с ногами, сует подушку под спину.

–На какой главе вчера остановились?

–Там закладка.

–Ага, нашла.

Она читает вслух какую-то фантастику. Все слушают со скучными лицами. Другой книжки нет, я мощусь на своей кровати, подушечка у меня совсем маленькая, чувствую спиной холодную стену. Стараюсь вникнуть в смысл повествования. Только бы заткнуть собственные мысли. Но рассказ не очень-то увлекательный. Я тайком наблюдаю за своими новыми соседками. Пытаюсь понять, почему они здесь. Ведь просто так в психушке не лежат. На первый взгляд тетки как тетки. Ну, с Пусей все понятно. Она так и осталась ребенком. Только сомневаюсь, что таблетки от этого вылечат. Ирка с Веркой наверное, истерички. А Мария – здоровая, красивая, веселая. С ней-то что? Так я ничего и не понимаю.

Долгожданный ужин подвергает меня в уныние. Зеленоватая манная каша тщательно размазанная по тарелке, одно утешение кусок хлеба с маслом и чай. Хорошо, что мы успели как следует подкрепиться.

Вечером я не нахожу себе места. И все потому, что вспомнила вчерашний звонок, приятный мужской голос:

–Добрый вечер, это Александр...

Боже мой, это было только вчера! А мне кажется, что сто лет назад, во сне. Ведь мы назначили встречу на семь вечера. На часах пол восьмого, он, конечно, пришел, не дождался и ушел! Подумал, бог знает что! Если звонил домой – еще хуже! Серега взял трубку, представляю, что он ему мог наговорить! Так нельзя, нельзя! То помпон, то синяк, то это все. Ну, все наперекасяк!

От полноты чувств я уже готова сочинять длинный, печальный стих, но под рукой ни ручки, ни бумаги. Тоска...

Глава шестая.

Второй день.

Всю ночь я ловлю подушку. Эта зараза оказалась в четыре раза меньше, чем моя наволочка. Она выскакивает из-под головы, будто кусок мыла в ванной. Два раза извлекала ее с пола, так как матрас гораздо короче кровати, и она проваливается в дырку между сеткой и спинкой. Где только взяли эту уродскую койку!

Пробуждение отвратительное, все тело ноет, лежу вытянувшись как мумия в саркофаге. Глаза открывать не хочется. Кто-то настойчиво требует:

–Вставай, скоро обход.

Со стоном выбираюсь из своей постели. Сразу же вижу «фрикадельку» выползающую за дверь. Мария плещется у умывальника. Ирка воюет с расческой. Пуся прыгает на кровати.

–Хватит дрыхнуть, – заявляет Верка, натягивая кофту, – мы уже таблеток нажрались, градусники согрели, не отставай от коллектива.

Я оглядываюсь, все по-прежнему в домашних халатах, тапочках, а мне так хочется натянуть джинсы, я вовсе не чувствую себя дома, но выделываться мне не к чему, я же прячусь.

Подтягиваемся к столу, чтобы увидеть ту же прекрасную манку, опять вся моя еда – чай с бутербродом. Хочу домой!

Пара дней, в моем понимании это – вчера и сегодня. С самого утра начинаю ждать освобождения. Когда, ну, когда появится Марина?

Часы идут, она все не появляется. Я теряю терпение. Думаю только об этом, ничем не могу отвлечься. Машка опять читает вслух, от Стругатских с души воротит, и как мне раньше могло это нравиться?! Хочу домой!

Похоже, это не только мое настроение. Все какие-то хмурые, неразговорчивые. Машка читает монотонно, Ирка рвет какие-то бумажки, Верка взяла у Лены карты, гадает, морщится, Пуся обняла подушку, свернулась на кровати калачиком.

Маша захлопывает книгу:

–Все, надоело, Ирка, читай!

–Сейчас обход.

–Ну и что?

–Меня выпишут.

–С чего ты взяла? – с усмешкой спрашивает Верка.

–Я здесь уже двенадцать дней.

–И что?

–Меня выпишут! – упрямо повторяет Ирка, – меня дома ждут.

–То-то к тебе никто не ходит.

–Вер, не трогай ее, – устало просит Машка.

Я сразу заметила, что она здесь, как бы главная. Все ее слушаются и не спорят. Верка хмыкает, возвращается к своему гаданию, потом сердито смешивает карты.

–Ну, ничего сегодня не выходит!

Ирина пугается ее резкого жеста, как заяц, лихорадочно собирает свои бумажки, потом вдруг все бросает. Белые клочки кружатся в воздухе будто снег.

–Собирай, – советует Маша, – на обход зав. отделением придет. Опять будет про порядок вещать.

–Не буду, – бубнит Ирка, – меня сейчас выпишут.

–Это врятли, – рассуждает Верка, – психов так быстро не отпускают.

–Я не псих! – опять кричит Ирка, хватая подушку, швыряет в лицо Веры, – я нормальная, это ты дура! Дура!

На голову обидчицы обрушивается покрывало, одеяло, простыня. Ирка спеленывает ее всю и начинает бить кулаками, коленками, головой. Все происходит так быстро, что никто не успевает вмешаться, потом все разом бросаются разнимать. Я тоже пытаюсь быть полезной. Маша с Леной вдвоем изо всех сил держат Ирку, я разворачиваю Верку, она хватается ртом воздух, Пуся уже бежит с кружкой воды. Все тяжело дышат как после кросса.

–Дура! – наконец, выдавливает Вера.

–А ты больно умная, – отчитывает ее Мария. – зачем ее заводишь? Ведь, не в первый раз уже. Еще бы чуть-чуть, и санитары бы прибежали!

–Да нужна она мне, – огрызается Верка.

Ирку трясет, она смотрит на нас с ненавистью, но вдруг вся сжимается и начинает рыдать, громко, задыхаясь, и всхлипывая, как ребенок. Машка отпускает ее, а Лена обнимает по-матерински, гладит по голове, успокаивает. Я смотрю на них, и чувствую как безумно мне самой хочется, чтобы меня вот также пожалели. Честное слово, я завидую Ирке.

–Тише, тише, – мягко говорит Лена, голос у нее такой спокойный домашний, – не ссорьтесь. Всех вас скоро выпишут, в этом отделении никто долго не лежит. Все скоро будут дома. Все, все, Ирочка, все хорошо. Верка пошутила, она же знает, какая ты умница и все правильно поймешь.

–Меня выпишут? – всхлипывает Ира.

–Конечно, только надо успокоится, чтобы Ольга Семеновна увидела, что у тебя все хорошо и могла тебя отпустить. На, выпей водички, – уговаривает она ее как ребенка.

Пуся тащит кружку и для Ирки. Она затихает, дышит ровнее, достает из кармана платок, трет глаза и сморкается, идет к умывальнику. Мы расслабляемся, Пуся собирает бумажки, Верка перестилает Ирину постель, Лена подходит ко мне, наверно заметила, что я тоже готова разрыдаться.

–Не переживай, в больницах всем как-то страшновато! А здесь тем более – решетки, запоры. Но зав. отделением отличный врач, и человек хороший. С ней всегда можно поговорить.

–Спасибо, – отвечаю я, мне действительно становится легче.

Едва палата обретает прежний вид, к нам заходят сразу три врачихи, удивительно похожих друг на друга в своих белых халатах. Я пытаюсь угадать, которая из них Ольга Семеновна. Они задают вопросы, что-то записывают, уводят Пуся и Веру «поработать в кабинете». На меня никто не обращает внимания. Уже в дверях одна оборачивается:

–Ирина Юрьевна, я, конечно, попрошу заведующую зайти к вам, но она скажет тоже самое.

Дверь закрывается и с Ирккой опять начинается что-то неладное. Ее снова трясет, она хватается за спинку кровати, ожесточенно дергает ее, будто хочет оторвать, зубы стучат, глаза дикие:

– Выпишите меня, выпустите!

Мы опять пытаемся ее унять, она дерется не на шутку. Мне прилетает в глаз, тут еще кто-то грубо отпихивает меня, я падаю на пол. Два огромных амбала в белом, скручивают Иррку, привязывают к кровати, сестра тут же со шприцем. Две минуты и все кончено.

– Если еще такое повторится, переведем к буйным, – обещает сестра, закрывая дверь.

Иррка лежит неподвижно, Лена медленно поднимает меня с пола.

– Не ушиблась?

– Глаз больно, – жалуясь я.

Она вздыхает, мочит полотенце и прижимает к моей дурной голове. Лена, наверное, ровесница моей мамы. Рядом с ней так спокойно. Что она делает в этом безумном месте?

В палату входит пожилая высокая, строгая на вид женщина. Смотрит на меня сквозь толстое стекло очков:

– Вы Лиза?

Я энергично киваю. Она продолжает негромко, но твердо:

– Я Ольга Семеновна. Марина вам говорила?

Я снова киваю.

– Пойдемте в мой кабинет.

Я спешу за ее быстрыми, решительными шагами. Кабинетик у нее крохотный – стол, да шкаф.

– Подождите минутку, я сейчас, – предупреждает она и уходит.

Я присаживаюсь на жесткий стул, рассматриваю от нечего делать, бумаги лежащие на столе. Все в безукоризненном порядке, ничего лишнего. Она быстро возвращается, садится к столу.

– Елизавета, Марина обрисовала мне вашу ситуацию, к сожалению, пока еще ничего не прояснилось.

– Марина не звонила? – спрашиваю я упавшим голосом.

– Как только что-то будет известно, я сразу вам сообщу.

– А пока ничего?

– Нет. Здесь у вас все в порядке?

– Да, да, спасибо.

– В палате с соседями проблем нет?

– Нет, нет, все хорошо. Я даже не понимаю, зачем они здесь.

– У каждого свое, – устало вздыхает Ольга Семеновна, снимает и крутит в пальцах очки.

Внезапно у меня возникает нестерпимое желание рассказать ей обо всех своих злоключениях.

– Вы знаете, у меня здесь такое впечатление, что я тоже немного чокнутая.

– Это почему? – удивляется она.

– Вся эта история с убийством случилось из-за того, что я сама была не своя, не такая... это все началось с того, что я ударилась головой, – захлебываясь, тороплюсь объяснить я.

– Ударилась сильно?

– Да, упала в ванной, с тех пор со мной творится черте что!

Я во всех подробностях рассказываю ей свои сны и ведения. С тайной надеждой, что она как профессионал развеет мои страхи и объяснит все просто, материалистично, без мистики. Но что я слышу в ответ, от этой строгой деловой женщины?!

– А, реинкарнация.

– Что? – не верю я.

–Переселение душ, я думаю, падение тут не при чем.

–А эти сны? А наяву?

–Это нормально. Сейчас очень многие вспоминают отрывки своих воплощений.

–Воплощений, – повторяю я, пробуя на вкус новое слово и не верю своим ушам.

–Случается, что люди во всех подробностях помнят прошлую жизнь, а иногда и не одну.

–Как это?

–Уже многие светила психиатрии давно доказали, что под гипнозом человек может вспомнить не только все события детства, но и прошлую смерть, например. Некоторые специалисты рекомендуют этим методом лечить стойкие фобии.

–Получается, это все правда?! Книжки про переселение душ, фильмы, значит, доказали – душа есть?

–Это даже физики доказали, – просто отвечает зав. отделения.

«Значит, я нормальная? И Серега со своей антикварной машиной тоже.»

–А вы помните что-нибудь? – решаюсь спросить я.

–Во время первой мировой войны я была пехотинцем. Задохнулась во время газовой атаки.

–Вам тоже кажется, что вы были мужчиной?

–Что в этом странного?

–И вы убивали?

–Была война.

Резко и так некстати звенит телефон, Ольга Семеновна берет трубку, коротко, деловито называет какие-то латинские термины, диагнозы, лекарства. Я сижу перевариваю все услышанное. Ничего себе открытие! Она заканчивает разговор, возвращает меня к действительности:

–Елизавета, меня здесь несколько дней не будет. Я лишних людей посвящать не хочу, но вы не волнуйтесь. Как только прояснится с милицией, я сама или Марина вас заберем.

Легко сказать «не волнуйтесь», я возвращаюсь в палату в полном загрузе. А там суета и приготовления: все носятся, прихорашиваются, сдувают пылинки. Только Лена спокойно раскладывает пасьянс, да Ира все еще спит.

–Спонсоры изъявили желание посмотреть, как живут больные, – объявляет Мария, – поскольку в этом дурдоме, мы самые нормальные, то решили показывать нас.

–Нас?

–Ну да, сейчас их привезут.

–Прямо сюда?

–Да, да не тормози, на расческу – расчешись.

Я покорно причесываюсь. Замечательно! Крутые, богатые дядьки придут посмотреть на меня в дурдоме. А если мы потом встретимся, а если кто-то знакомый?! Нет, пока у меня нет знакомых из большого бизнеса.

Медперсонал тоже суетится, забегают по очереди., осматривают, проверяют, уносятся «ветром гонимые». Наконец, из другого конца отделения раздается радостно:

–Идут!

Из нашего окна, видно как у позорного полу– развалившегося крыльца тормозят навороченные джипы, из них выползают пузатые дядьки. Шустрые ребята в дорогих костюмах, достают из машин коробки, передают санитарам. Те тащат их в корпус, лопааясь от важности. Выскакивают врачи, стараются держаться солидно, но видно сразу, с какой жадной радостью они провожают взглядом каждую коробку.

–Ой, глядите, какой хорошенький, – взвизгивает Верка.

–Кто? Где? – оживает Мария.

Я тоже невольно присматриваюсь.

–Вон, вон, высокий, черненький.

–В синем пиджаке?

–Да, нет же, не пузатый. Вон возле красного джипа. Все, девки, я влюбилась! – Верка мечтательно закатывает глаза.

А я все не могу никак увидеть, кто ее так впечатлил.

–Тот, что достает большую коробку, – подсказывает мне Маша. – Вон, пиджак снимает.

–Какие у него плечи! – радуется Вера.

Я, наконец, понимаю о ком это они. Да, фигура у него классная.

–Ну, обернись, – хором требуют Маша и Вера.

Он поворачивается, объяснять что-то заведующей, и у меня земля уходит из-под ног. Александр! Саша! Меня охватывает паника. «Он здесь! Здесь! А я . . . Он меня увидит! Увидит в психушке! Вот вам и свидание! Боже! Что он подумает? Но я же не псих! Как же быть? Как быть?!»

Лена замечает мое состояние.

–Что случилось?

–Я его знаю.

–Кого, красавчика? – подсакивает Верка.

–Да, – выдыхаю я скорбно.

–Так это же здорово! Везет же людям!

–Что везет? Он меня узнает!

–Классно!

–Здесь не то место, чтобы встречаться, – напоминает Лена.

Верка никнет, надувает губки. А Маша сразу находится:

–Мы тебя не покажем, будем стоять все кучей, он тебя и не заметит.

–Точно, их много, нас много, авось не разглядит.

–Может, мне лучше спрятаться? – глупо спрашиваю я.

–Куда? В тумбочку? – уточняет Маша.

Я сдаюсь, ждем спонсоров и как только они заваливают целой толпой, сбиваемся в кучку. Я осторожно выглядываю из-за Машкиного плеча. Вот он мой долгожданный, мой единственный стоит среди толстых, важных дядек с сотовыми. Только руку протянуть, мне безумно хочется броситься к нему, чтобы защитил от всех напастей. Чтобы посмотрел ласково, и я забыла обо всем, обо всем. Я совсем уже готова шагнуть на встречу, но один особенно важный спонсор лениво поинтересовался:

–Я так понял, здесь не буйные, а опасные у вас есть?

Мой порыв разом гаснет, к моему ужасу Александр поворачивается к нам, мне даже кажется, что он меня видит. Я пытаюсь стать прозрачной, и тут Пуся стягивает общее внимание на себя.

–Это мы-то не буйные?

Она подсакивает к гостям, хватает их за руки и тянет за собой напевая:

–Встаньте дети, встаньте в круг, встаньте в круг. . .

Спонсоры дико таращат глаза.

–Делайте, что она хочет, а то у нее начнется страшный приступ! – подыгрывает Лена.

Пуся строит спонсоров в круг, они испуганно подчиняются. Через минуту в палате, точно как в фильме про Золушку, кружится хоровод из важных пузатых дядек в малиновых пиджаках. Под веселое Пусяно пение они даже пытаются притопывать, повторяя ее движения. Зрелища уморительней мне видеть еще не приходилось.

Озадаченные поначалу врачи, еле сдерживают смех. Ну, кто мог ожидать такое?!

Лица лихо отплясывающих остаются тревожно-серьезными, зато Александр не захваченный хороводом, не выдерживает и хохочет до слез. Всех зрителей охватывает бурное веселье,

Пуся тоже смеется. Пляски останавливаются, раскрасневшиеся толстяки отдуваются с обиженным видом.

Думаю спонсоры больше сюда не приедут.

Стою у окна, смотрю, как разворачиваются, уезжают крутые джипы. Видно не судьба, нам быть вместе. Саша, Сашенька... обидно до слез, и ничего, ничего не изменишь!

Девочки меня жалеют, Машка развлекает разговорами:

– Не грусти, вернешься домой, все наладится! А потом расскажешь ему все, объяснишь!

Он поймет, ну, подумаешь психушка.

– Эх, если бы только это!

– Не грузись, у других и хуже бывает!

– А ты здесь почему? – спрашиваю я, хоть и решила не лезть с вопросами.

– О, это целая история с ведьмами и мистикой.

– Расскажи!

Мы усаживаемся поудобнее, и Маша начинает:

– Все началось с того, что меня угораздило по уши влюбиться в женатого мужика. И не то чтоб красавец, так себе, но я втрескалась как дура! А он-то – сволочь! Нет чтоб погасить мои страсти, ответил мне полной взаимностью, сбежал от жены, снял квартиру и позвал меня к себе жить. Я чуть не померла от радости. Все там отмыла, вычистила, обеды, завтраки, ужины. Семейная идиллия, да и только.

– И за это тебя в дурдом? – прерывает ее сонный голос Ирки.

– Проснулась, наконец, соня.

– Как себя чувствуешь? – сочувственно спрашивает ее Лена.

– Голова трещит.

– Чайку хочешь?

Чаепитие устраиваем как на именины. Спонсорских сладостей еще на неделю хватит. Пока все жуют, Мария продолжает:

– А потом такое началось! Не вышептать. Жена пошла в наступление. У нас был дрянной замок. И в наше отсутствие она проникла в квартиру, разодрала все мои вещи, истыкала мои фото булавками, сунула вонючую сушенную птичью лапу под подушку. Мы сменили замок. Она подожгла дверь. Сняли другую квартиру, выходки прекратились.

– Наверное, ее в буйное отделение свезли, – предполагает Ирка.

– Туда ей и дорога, – соглашается Верка.

– Не знаю, что с ней стало, – качает головой Маша, – только нам стало еще хуже. Семен злой как собака, чувства как корова языком слизала. В доме все ломается, рвется, бьется. Мы ругаемся, мать говорит, что нас сглазили. Я жгу церковные свечи, лью святую воду, не помогает. По ночам спать не могу, задыхаюсь, будто кто-то душит. А если и засну, кошмары снятся.

– Точно сглазили, – авторитетно заявляет Ирка.

– Короче, через неделю такой жизни я поняла, что хочу в дурдом.

– И пошла сама?

– Сама.

– Помогло?

– Еще как! Сплю как младенец, ем с удовольствием, даже поправляюсь.

– А мне тоже странные сны снятся, – решаюсь признаться я, – из прошлого, будто бы из прошлой жизни.

– Расскажи!

– Да, рассказывать – то нечего, одни обрывки.

– А я вот думаю из таких снов роман написать, – заявляет Маша. – мне с детства снятся одна история.

– Рассказывай, рассказывай, – требуем мы хором.

– Мне гораздо проще прочитать. Уж слишком много времени убила на то, чтобы собрать из обрывков целую историю. У меня получился настоящий рассказ, как из книжки. Сама не ожидала.

– Так он у тебя с собой?

– Да, заканчивала писать уже здесь, – разволновалась Маша, – Ну, так читать?

– Читай, читай скорее!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.
МАШИНА ИСТОРИЯ,
ИЛИ
ЦЫГАНСКОЕ СЧАСТЬЕ.

Весна 1242 года. Северная Русь.

Далеко забрел цыганский табор от родных южных степей. Тесны стали бескрайние степи, не разминуться с дикими племенами, что несутся как пожар – от края до края, стрелами застилая небо, криком пугая птиц. Их кони – ветер, их сабли – кривые молнии. Не понять их черной злости мирным цыганам.

Скрываясь от стремительных татарских отрядов, катили кибитки по лесным дорогам. Стеной поднимались деревья – великаны, страшно было молодой цыганочке. Ей едва исполнилось шестнадцать, мир был юн и свеж для нее. Её черные волосы завивались в тугие колечки, отливали синевой, закрывали шалью хрупкие плечи. Она куталась в огромный тулуп и все равно мерзла, закрыла свое смуглое личико большим воротом, только темные глаза сверкали из-под длинных ресниц.

Дед задремал, выпустил поводья, усталые кони медленно брели за первой кибиткой по раскисшей дороге.

Весна не спешила, снег таял медленно, сугробы едва осели, набухли влагой. Среди темных как ночь елей голые березы торчали как белые обглоданные зимой корешки.

Зарема потянула деда за рукав:

– Скоро мы приедем? Я устала и замерзла, есть хочу!

– Ефим говорил, ещё до заката покажется городишко, – неохотно пробурчал он себе в седую кудрявую бороду.

– А нас там примут? – не отставала Зарема.

– Русичи всех принимают. Да мы и едем не с пустыми руками.

– Чего же мы им дадим?

– Не дадим, а обменяем, – дед назидательно поднял палец. – У южных народов мы выменяли дорогие камни. Русичи любят лалы и крупные яхонты. Они дадут нам пищу и защиту, а за твои песни знойные и мёду нальют.

– Мы и свадьбы у них справлять будем? Здесь так холодно.

– Холодно, да мирно, – дед нахмурился, косматые брови закрыли глаза. – Там, где война – нет ни обмена, ни торговли. Грабеж, смерть и слезы. Нам там делать нечего! А тепло скоро и в лес придёт, снег растопит, землю согреет.

– Неужели, и здесь цветы зацветут? – не поверила Зарема.

– И цветы будут и ягодки, – улыбнулся старик. – Все поляны будут полны.

– А ягоды здесь красные?

– И красные, и чёрные, а сладкие как рахат-лукум.

– Не может быть! – звонко рассмеялась девушка.

К их кибитке подлетел всадник, от коня валил пар, молодой цыган распахнул короткий полушубок под ним красная рубаха как грудь снегиря, лицо разрумянилось, тёмные волосы трепал ветер.

- Ух, еле вас догнал! Хотел зайца поймать, да ушёл косой!
- На зайца силки нужны, – крикнул дед. – Одни дурни за ними гоняются!
- Какие же силки, когда мы в этом лесу в первый раз, – возмутился парень.
- Это ты в первый, а я уж не первый раз бывал.
- Что ж силки не расставил? – огрызнулся Селим.

Зарема хихикнула в кулачок. Дед хотел обругать молокососа, но только рукой махнул.

– Я вперед поскочу, на моём скакуне шагом тащиться, только коня портить, – хвастливо заявил Селим.

Он поднял своего вороного на дыбы и понесся с гиканьем. Зарема восхищённо смотрела ему в след, дед усмехнулся:

- погоди, погоди, снег сойдет, трава проглянет, и справим вам свадьбуку.
- Красиво? По всем правилам? – мечтательно спросила Зарема.
- А как же. Весь табор знает, как вы с детства друг к другу тянетесь.
- Деда почему у нас имена не цыганские?
- Так родились – то вы у теплого моря, у тамошних народов имена красивые. Вот и выбрали для вас самые лучшие.
- А ты где родился?
- Того уже никто не помнит. Я же самый старый в таборе.
- Смотри, смотри, – перебила девушка, – Селим возвращается.
- Беда! Беда! – ещё издали закричал парень.
- Что ещё?! – насторожился дед, остановил коней.

Все кибитки остановились, люди окружили Селима. Он стал рассказывать, волнуясь, махал руками, торопился.

- Сгорел весь город, сгорел! Одни головешки кругом!
 - Как сгорел?! – не верили цыгане.
 - Весь! Дотла!
 - Не может быть!
 - Я своими глазами видел! Сгорел город!
 - Может, это другой город, не тот в который мы шли? – с надеждой спросила Зарема.
- Дед угрюмо покачал головой.
- Другого тут нет и не было никогда.
 - Как же он так весь сразу?!
 - Татары, – вздохнул дед, уже и сюда добрались. Что с людьми? – спросил он у Селима.
 - Нет никого, – судорожно сглотнул цыган, – только трупы.
- Зарема ахнула, закрыла лицо руками. Цыгане испуганно зашумели.
- Куда теперь?
 - Что ж нам делать?
 - Перемерзнем здесь все!

Барон – пожилой, тучный, в рыжей лисьей шубе, крытой яркой восточной тканью, неспешно вышел вперед. Перед ним почтительно расступались. Он взял коня Селима под уздцы, погладил по морде, постоял задумавшись, и произнес веско :

– Дальше пойдем, севернее за большим озером есть огромный город. Русичи зовут его Новым городом. Там богатая торговля, товары со всего света. Туда пойдем.

Спорить с ним никто не решился, но многие бурчали в бороды, что зря ушли с юга. Там – солнце, фрукты, пряности, здесь только елки и снег.

Кибитки снова тронулись в путь, Зарема испуганно жалась к деду, он устало сутулился, кони шли опустив морды к самой земле, даже Селим притих, молча ехал рядом.

Лес кончился неожиданно, по глазам ударило желтое весеннее солнце, Зарема жмурилась, закрывалась ладошкой. На полях снег уже почти стаял, кое– где показалась рыжеватая

земля. Над этими островками суетились шумные птицы. Дорога обогнула небольшой холм, справа угадывалась речушка еще покрытая одеялом льда и снега, а впереди все было черным-черно, в нос ударил горький запах гари.

– Что это?! – испугалась Зарема.

– Город, – мрачно отозвался дед.

Кибитки выехали на пожарище, под колесами хрустели головешки, мертвые, опаленные деревья склонялись над дорогой, от домов остались кучи черных бревен и кирпичи печей. Кони заржали, испуганно шарахнулись в сторону. Зарема увидела, как шумно поднялась стая воронья, загалдела, закружилась над головой. На земле остались исклеванные, обгорелые трупы. Девушка уткнулась деду в плечо.

– Поедем, поедем от сюда скорей!

Над пожарищем стояла такая тишина, что вороний грай казался оглушительным. Вдруг, к нему прибавились новые звуки: конский топот, гиканье.

Татары вылетели из леса, окружили кибитки. Цыгане замерли, не зная чего ждать. Дед успел толкнуть Зарему вглубь кибитки. Она смотрела через крохотную дырочку на странных людей, живущих чтобы воевать: шубы мехом наружу, шапки с хвостами, глаза щелочки на круглых лицах. Кони коротконогие, крепкие, дышат ровно, будто и не скакали. Один татарин привстал в стременах. Он был одет лучше других, из-под меха видны дорогие китайские шелка, кривая сабля украшена золотом и камнями, на груди цепь с украшением красоты удивительной, такой работы Зарема никогда не видела.

”Интересно, краденное оно, или у этого народа тоже есть свои чудо-мастера?” – подумала Зарема.

Татарин свысока осмотрел табор, сказал что-то резко, гортанно. Дед Заремы бросился к нему. Он знал так много языков, что и сам со счета сбился. Старик низко поклонился всаднику, заговорил торопливо. Татарин махнул рукой, воины ринулись шарить в кибитках, выталкивать детей, выкидывать тряпки. Зарема залезла под старую шкуру, сжалась в комочек, затаилась. Она слышала чье-то дыхание, каркающие слова похожие на ругательство, кибитку качнуло, татарин спрыгнул. Но она всё боялась вылезать. Долго слушала непонятные крики, плач, знакомые голоса. Женщины умоляли, посылали проклятия. Зарема и уши зажала. Ей показалось, что выпрягают коней, и вскоре всё стихло.

Голос деда позвал:

–Зарема, детка!

Она выбралась из-под шкуры, кинулась на шею старику.

–Что случилось, дедушка? Я так боюсь.

–Всё хорошо, теперь все хорошо, – он гладил её по голове, – Не нашли тебя злодеи.

–Я спряталась. Страшно! Ой, а где наши кони?

–Забрали и других забрали. Всех хороших коней увели!!

–И у Селима забрали?

Дед вздохнул горько, отвернулся.

–Что? Что с ним случилось? – вскрикнула девушка.

–Увели. Забрали всех молодых, сильных мужчин. Женщин, детей оставили. Решили, что не дойдут.

–Куда?

–До рынков, где рабами торгуют.

Зарема не могла, отказывалась понять, что больше не увидит Селима. Ей всё казалось, он сейчас их догонит, вернется. Она невольно прислушивалась, ждала быстрого стука копыт по дороге, вот-вот Селим появится на своем черном коне, поднимет его на дыбы, засмеется весело. Но дни шли и её надежды таяли.

Татары оставили табору только четырех пузатых кобыл. Все женщины, дети, старики набились в две большие кибитки. Лошади еле тащили их по раскисшим лесным дорогам. Цыганки не переставали плакать и причитать.

– Молчите, дуры! – срывался дед, – новую беду накличете.

Девушка жалась к нему, она очень боялась новой беды.

– Хорошо, что они камни не нашли, – пробасил барон.

Татары забрали его дорогую шубу, и он мерз в драном тулупчике.

– Доберемся до Новгорода, обменяем, коней купим. – радовался дед.

– Мужей наших, ни за какие лалы не вернёшь – всхлипнула толстая, беременная Сабина.

– За лалы-то как раз и вернули бы, купили бы, как другие себе рабов покупают. Да где их теперь искать, – вздохнул барон. – Кто знает, куда их теперь погнали.

– Да-а, на наших клячах за конницей не угонишься, – согласился дед.

– Придётся вам новых мужей искать, – сказал барон, и все смолкли, задумались.

Когда до Новгорода остался один день пути и все чаще стали попадаться навстречу путники, что на разных языках расхваливали великий город, дед свернул с дороги.

– Куда? – удивилась Зарема.

– Гляди, – он указал кнутом вперед, – Там, за рощей шатры.

– Цыгане! – захлопала в ладоши Зарема.

– Вряд ли, шатры слишком большие, яркие. Но если люди кочевые, у них и переночуем.

Девушке захотелось петь от радости. Она так устала ютиться в кибитке, спать сидя, тесно прижавшись друг к другу. Так конечно было теплее, но всё тело ныло от неудобной позы, дети толкались, барон скрипел зубами, дед кричал, а Сабина говорила во сне. После нападения они не ставили шатров, боялись, и все были рады переночевать под чьей-то защитой.

Зарема жадно всматривалась вперед. Яркие белые, высокие шатры из тяжелых дорогих тканей выстроились ровными рядами. Сытые, холёные кони мирно стояли у каждого шатра. Девушка никогда не видела таких стоянок. Она смотрела во все глаза, всё хотела увидеть обитателей этого роскошного табора. Но он был тих и пуст, будто вымер. Только кони звенели дорогой упряжью, да перебрёхивались большие, поджарые собаки с длинными, узкими головами.

– А где же все люди? – недоуменно спросила Зарема у деда .

– Да, кто ж их знает, внучка. Может перебил кто.

– Какой ужас! – похолодела Зарема, – И здесь... Всех?!

– Не пугайся зря. Если бы перебили всех, то сразу бы пограбили. Чего столько добра пропадает. Нет, таких народов, чтобы не грабили, – успокоил её дед.

– Так где же они?

– Пьют! – уверенно заявил старик. – Набились в один шатер, как в муравейник, и пьют за здоровье, а может за упокой.

Словно в подтверждение его слов из дальнего самого большого шатра неверной походкой вышел грузный мужчина, постоял в задумчивости, шагнул ещё и повалился как мешок. Следом появились ещё двое, широко жестикулируя, перешагнули первого, решительно направились прочь, обернулись, опять замахали руками и принялись поднимать упавшего. Он встать не хотел, отмахивался, валил помощников на землю. Возня вышла уморительная, и Зарема звонко смеялась, позабыв свои страхи.

Кибитки нещадно скрипели, медленно тащились вперед. Зареме очень хотелось подгонять коней, но несчастные животные еле переставляли ноги.

– Миленькие, ну еще чуть-чуть! – умоляла девушка.

Она от нетерпения не могла усидеть на месте.

Зарема соскочила с повозки и зашагала рядом. Она готова была бежать впереди, но дед глядел строго. Из серого мартовского снега там и сям торчали ветки и камни. Как дед ни ста-

рался, кибитка не миновала их, страшно накренилась, заскрипела, и большое оббитое железом колесо покатило само по себе, завалилось в сугроб.

Все выскочили из кибитки, загалдели, стали орать на деда, давать опоздавшие советы, бестолково махать руками, шлепать любопытных ребятишек. Зарема тихонько отошла в сторону. Теперь застряли на долго. Она с грустью смотрела на шатры сквозь голые ветки каких-то кустов. Цыгане всё бранились, а из большого прямоугольного шатра выходили новые люди. Зарему удивляла, что все они были рослыми воинами в блестящих доспехах и одинаковых плащах с нашитыми крестами. Ни вездесущих детишек, ни шумных женщин, ни немощных стариков не было с ними. Все были широкоплечи, сильны, у каждого на боку висел огромный длинный совершенно прямой меч. Девушка никогда прежде не видела такого оружия. Каким надо быть силачом чтобы поднять его! Ещё её удивлял цвет волос этих богатырей, куда светлее чем у всех, кого она знала. У некоторых головы были совсем жёлтые как солома на полях, а кожа у незнакомцев была светлая почти как снег.

–Какие странные люди, – шептала Зарема. – Неужели, в этих холодных землях все такие? Интересно, а женщины у них красивые? –спросила она сама себя. Она представила каскад длинных золотых волос, и замечталась. – Мне бы такие.

За спиной всё ещё слышалась гортанная ругань и препирательство. Девушка глубоко вздохнула, Оглянулась с упреком. Никто не обращал на неё внимания. Зарема решила и медленно стараясь остаться незамеченной, за кустами и молодыми елочками, одна отправилась к шатрам. Ей только хотелось подойти поближе, чтобы лучше рассмотреть незнакомцев. Она очень боялась, что её почуют эти большие длинноногие собаки. Но к счастью ветер дул ей в лицо, и Зарема благополучно добралась до крайнего шатра, осторожно выглянула из-за тёмного полога, но ничего не увидела кроме

Своего отражения! Оно было ярче и четче чем в любой воде. Она ясно видела свои огромные испуганные глаза и растрепанные волосы. А тут ещё отражение заговорило на неизвестном языке.

Зарема сжалась и лицо закрыла руками. Вокруг было тихо, и ничего ужасного не происходило. Она решила открыть глаза. отражения больше не было. Перед ней стоял один из светлоголовых незнакомцев совсем молодой, улыбающийся, с невероятными голубыми глазами, ясными как небо над головой. Зарема хотела убежать, он удержал её за руку, рассматривая с любопытством. Она смущённо отвернулась, но бежать передумала. Он что-то говорил, спрашивал она не понимала ни слова. Хотя дед и обучал её языку северян. Наверное он не был россом. Зарема махала смуглой ладошкой, пожимала плечами, показывала, что не понимает. Он тоже перешёл на жесты:

–Кто ты?

–Зарема.

–Я – Фридрих.

Он всё ещё не выпускал её озябшие пальцы из своей тёплой ладони. И ей это было приятно. Зарема совсем перестала бояться этого чужака. У него была открытая улыбка и девушка тоже улыбалась, сама не зная чему. Он опять непонятно заговорил, а она просто слушала его низкий мягкий голос. Ей показалось, что он извиняется за что-то. Фридрих подал Зареме что-то плоское, круглое, она взяла. С одной стороны на эмали портрет девочки в желтых кудряшках, а с другой ... она снова увидела сама себя.

Только теперь её щёки горели румянцем, а глаза светились радостью как на праздник.

–Spiegel, – попытался объяснить Фридрих.

Зарема вспомнила, как дед рассказывал ей, что далеко-далеко за тёплым морем есть удивительный город, где умеют из стекла делать разные чудеса. И даже пластины в которых всегда ясное отражение, их не надо ни чистить, ни натирать, только нельзя ронять, чтобы не разбить.

–Зеркало! – обрадовалась девушка, полюбовалась ещё и протянула вещицу хозяину. Он властным жестом отвел её руку.

–Оставь себе.

Она не решалась принять такой дорогой подарок. Опять хотела вернуть, он нахмурился, отрицательно покачал головой. Зарема прижала зеркальце к груди. Фридрих снова заулыбался. Девушка знала, что он её не поймет, но всё равно быстро-быстро затараторила слова благодарности.

Тут грубый, хриплый голос окликнул Фридриха. Он обернулся, ответил что-то и снова стал извиняться перед Заремой:

–Я должен идти, – поняла девушка и ей вдруг стало очень грустно.

–Приходи ещё, – услышала она в его словах, или ей просто хотелось это услышать.

Он отпустил её руку и быстро убежал, гремя своими доспехами. Зарема осталась совсем одна. Она сразу почувствовала как сильно замерзла и проголодалась. Она спрятала подарок под тулупом и заспешила обратно к кибиткам. Она очень торопилась, ноги проваливались в талый снег, в коротких сапожках уже давно было мокро, сердце билось словно пойманная птица.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЦЫГАНСКОЕ СЧАСТЬЕ (продолжение).

Колесо уже вернули на место, цыганки рассаживали по кибиткам детей, дед поправлял сбрую, собирался ехать дальше.

–Ты где была?! – напустился он на внучку.

–Ходила к шатрам, – потупилась Зарема.

– Кто тебе разрешил?!

–Я осторожно.

–А если б что случилось!

–Меня никто не видел, – солгала Зарема и покраснела.

–А ты, что видела? – смягчился дед.

–Там все воины с большими мечами, – торопилась поделиться девушка. – Они все высокие, и волосы у них светлые, и глаза голубые, – проболталась она.

–И глаза рассмотрела, – хитро сощурился дед.

–А на плащах кресты, собаки худые, высоченные, – продолжала Зарема, всё показывая руками.

Дед слушал её серьёзно, хмурил брови, чесал бороду, потом прервал на полуслове:

–К ним не поедem.

–Почему? – надула губки Зарема.

–Сиди здесь, – велел старик, откашлялся, – Пойду с бароном переговорю.

Они долго совещались в полголоса за кибиткой. Зарема прислушивалась, но слышала только тяжёлое сопение борона, кашель деда, да обрывки фраз.

«-... воины. Неспроста, это немцы...»

–... Разорят Новгород... Будут убивать всех подряд.

–Лучше держаться подальше... Пусть воюют между собой. Наше дело сторона.»

Зарема прыгала на месте, чтобы согреться. Ей очень хотелось поселиться рядом с таинственными воинами. Она осторожно достала зеркальце, глянула и поспешно спрятала, пока никто не видел. Дед вернулся, кряхтя полез на козлы, стал разворачивать лошадей.

–Куда?! – возмутилась Зарема.

–У самого озера встанем, подальше от этих вояк.

Зарема отвернулась и долго, глотая слёзы обиды выглядывала из-за полога, смотрела, как удаляются заветные шатры.

Табор осиротел, в неудобствах и хлопотах дороги это было не так заметно, но когда остановились, разбили шатры, стало сразу видно, как всё изменилось. Никогда ещё не были так длинные и тоскливы вечера. Никто не пел, разговаривали в полголоса. Зарема стала уходить далеко от табора. Бродила среди берёз, гладила их белые стволы, грустила. Как не хватало ей веселого, звонкого голоса Селима, его тёмных лукавых глаз, дерзких шуток. О чём бы девушка не думала, мысль упрямо возвращалась к прошлым счастливым дням. И обжигало “НИКОГДА! НИКОГДА!” Зарема горько плакала, растирала слёзы по щекам. Сквозь кусты и хлипкие сугробы бежала от страшных мыслей не разбирая дороги...

Очнулась : кругом ровные, белые стволы, снег, тревожная синева неба над головой.

–Куда же теперь ? – спросила она вслух.

Отвечали ей только по весеннему шумные птицы. Девушка жалобно всхлипнула:

–Неужели заблудилась?! Нет, нет, я недалеко ушла.

Зарема решительно поправила цветастую шаль, вытерла покрасневший нос кулачком. Круто повернула назад, и зашагала обратно по своим следам, они глубоко отпечатались в рыхлом снегу. Зарема сама удивилась, как сильно петляла, забирала влево.

–Так я буду долго плутать, – решила девушка, –надо срезать путь.

Но так получилось ещё хуже. Она потеряла из виду свои следы и брела наугад. Места казались ей незнакомыми. Наконец, впереди показался просвет, деревья стали реже, Зарема уже сильно устала, но прибавила шаг.

К своему величайшему удивлению она вышла на берег замерзшего озера. Зарема стояла в полной растерянности, и тяжело дышала. Воздух был полон птичьего гомона, и ярко светило солнце, оно отражалось ото льда, слепило глаза. Девушка зажмурилась.

–Зарима?!

Она резко обернулась на голос. Совсем рядом на уступе берега стоял, светловолосый воин подаривший ей зеркальце. Зарема так сильно обрадовалась ему, что даже сама удивилась.

–Ф... Фридрих? – несмело произнесла она и застенчиво улыбнулась.

Он сразу стал что-то говорить, объяснять, вертеть головой.

–Ты меня искал? – удивилась девушка. Он закивал, показал, как расстроился, что не нашел ее. Взял за обе руки и заулыбался так счастливо и глупо, что Зарема расхохоталась. Воин тоже рассмеялся, потом снова стал рассказывать. Ей нравился его низкий, сильный голос, чуть растянутые слова. На юге так ни кто не говорил. Язык его был незнаком Зареме. Ей даже показалось, что он один, на всей земле, говорит на этом языке.

Он обвел озеро широким жестом.

–Schone!

Она смотрела растерянно. Он указал на нее и повторил:

–Schonheit!

Она не понимала. Фридрих сложил ладони лодочкой, вертел перед своим лицом.

–Это зеркало, – догадалась Зарема.

Она бережно достала дорогой подарок. Он опять указал на неё, на зеркало:

–Schonheit!

Зарема уставилась в зеркальце. Фридрих подошёл совсем близко, обнял и неожиданно поцеловал. У Заремы захватило дух. С Селимом они часто целовались, но он спешил, будто воровал. А светловолосый был смел и спокоен словно хозяин. Он был так высок и могуч, что Зарема себя чувствовала крошечной птичкой в его объятиях.

–Не надо, – она робко высвободилась и тут же пожалела.

Фридрих смотрел на неё и улыбался. Зарема прятала глаза, не знала, что теперь делать. Вдруг, удивила сама себя, прильнула к воину и подставила губы.

Они стали встречаться каждый вечер. Прошло всего несколько дней, а Зареме казалось, что они знакомы целую вечность. Было совсем не важно, что она не знала слов, она всё понимала. Зарема засыпала, вспоминая каждую минуту свидания, и едва проснувшись, начинала ждать вечера.

Но в этот день она твёрдо решила не ходить к озеру. Дед расхворался, лежал в лихорадке, Зарема боялась от него отойти, поила травяным отваром, поправляла сползавшее одеяло, слушала его ворчливое рассуждения:

–Ты, внучка, слушай меня, я жизнь прожил, много чего повидал. Когда одна останешься....

–Дедушка!

–Не перебивай! Люди вечно не живут. Боюсь я за тебя, – дед хмурился, кашлял.

Зарема поднесла к его губам чашку с горячим питьём, он хлебнул и снова за своё:

–Эх, не успел тебя замуж выдать! Не думал, что так может получиться. Где теперь наш Селим?! Знать не судьба тебе с молодым орлом травы мять.

Зарема покраснела, опять принялась поправлять старику одеяло. Достала тайком зеркальце,дохнула на него, стала протирать.

–Не надо, дед.

–Молчи, – рассердился старик. – Ишь, свиристель! Может тебе и лучше с молодым мужем, только мне виднее. Как помру, иди за барона он сразу возьмёт.

–За барона?! – Зарема выронила из рук зеркальце. Оно упало и разбилось на множество мелких осколков. – Я не хочу! Он страшный, толстый и злой!

–Дура! Где теперь красавцев брать?! Селима больше нет. Забудь его и делай как говорю!

Зарема поспешно собрала осколки и выбежала из шатра. Её душили слёзы. Стало так себя жалко, она сжалась в комочек и громко всхлипывала как в детстве.

–Вот, это всё из-за того, что я забыла своего Селима с этим чужим воином! Боги покарали меня за распутство.

Она плакала о дедушке, о Селиме и убеждала себя забыть вечера над озером. Но сердце не хотело слушать разумных слов.

–Надо сказать Фридриху, что я больше не приду, – решила девушка.

Зарема заглянула в шатер. Дед заснул, дышал ровно, глубоко. Она вытерла слёзы и побежала к озеру. Хотя было ещё рано, но она очень торопилась, даже в ушах шумело. Она выбежала на берег и замерла.

Озеро всегда тихое и заснеженное, было до краёв полно конского топота. Подкованные копыта гремели по льду как по наковальне. Сердце сжало предчувствие беды. Девушка испуганно вертела головой. У дальнего края озера стеной стояли пешие воины с короткими мечами. Но грохот слышался не оттуда. С другой стороны на них медленно и страшно как туча двигались закованные в железо всадники. Зарема узнала воинов из белых шатров. Их длинные плащи украшали кресты. Девушка пыталась среди всадников найти Фридриха, но все лица были закрыты шлемами, похожими на ведра. Впервые они не казались Зареме красивыми. По спине полз холодок страха. Крестonosцы двигались молча сомкнутыми рядами. Только строй был какой-то странный – не то клин без верхушки, не то свинья без ушей.

Строй пеших двинулся вперёд с неистовым криком, и две армии сошлись прямо напротив оцепеневшей на крутом берегу девушки. Она замерла, не могла шевельнуться, хотела и не могла убежать. С высокого берега ей были хорошо видны лица пеших воинов. Дед называл их русичами. Они защищали свой Новый город. Какая безумная храбрость вела их в бой с железными всадниками!?

Воздух наполнился стрелами. Крестonosцы огромными, двуручными мечами рубили пеших не защищенных воинов. Тела без рук, без голов падали под копыта коней. Лед заливала алая кровь, он шипел и таял под ней. Все становилось красным: зимнее озеро, белые плащи

рыцарей и рубахи новгородцев, оружие, кони и само небо! Русичи уворачивались, толкали коней с такой силой, что они валялись на бок, придавливали всадников. Тяжёлые крестоносцы уже не могли подняться. Их убивали Русичи, затаптывали тяжелые кони. Гремело железо, кричали люди, ржали кони,

Оглушенная увиденным Зарема, зажала уши руками, упала на колени, раскачивалась, кричала и стонала, как от сильной боли.

Совсем рядом с ней два гиганта схватились на смерть. Крестоносец в горящих на солнце латах прокладывал себе путь длинным мечом и казался несокрушимым. Русич подсеком своим коротким мечом ноги его коня, тот заржал, повалился вперёд, всадник перелетел через его голову, но быстро поднялся. Рыцарь взмахнул мечом, удар был страшен, но русич отбил его. С оружия сыпались искры. Меч русича сломался у самой рукояти, воин отступил, схватил со льда упавшую стрелу. Крестоносец широко замахнулся, русич отчаянно ринулся вперед и воткнул стрелу в щель забрала. Закованный в железо воин закричал, выронил меч, схватился за голову, повалился на колени. Противник подобрал его оружие и нанес смертельный удар.

Пешие воины были отчаянно храбры, но крестоносцы быстро теснили их. Вдруг, им в спину, из-за леса вылетел отряд всадников. Их вёл князь в развивающемся алом плаще. Крестоносцы оказались в окружении, пытались разворачивать своих тяжелых коней, те неуклюже скользили, падали, бились на красном от крови льду.

Солнце стало заметно припекать, на гладкой поверхности озера появились лужи и трещины. Кони крестоносцев стали проваливаться под лед, тяжелые доспехи тянули всадников на дно. Кони отчаянно бились увеличивая полыньи....

Зарема не могла больше смотреть! Сама не своя от ужаса она бросилась прочь от страшного места, но грохот битвы и пронзительные крики еще долго преследовали ее. Девушка бежала, заливаясь слезами, бормоча несвязные слова, задыхалась, не видела дороги. Только спрятавшись в теплой темноте родного шатра, она смогла немного успокоиться, Ее мучил озноб, Зарема сжалась в комочек, куталась в пестрое одеяло.

Весь день она просидела спрятавшись в шатре. Дед поправлялся, лихорадка отступила, вечером он даже встал.

–Пойду с бароном потолкую.

Зарема кивнула, говорить она всё ещё не могла. Страшная битва стояла перед глазами. Дед долго не возвращался, пришёл довольный.

–Завтра едем в город. Было большое сражение. Новгородцы победили, перебили рыцарей.

–Всех?! – ужаснулась Зарема.

– Зачем всех. Кое-кого взяли в плен. Теперь на радостях будут много денег тратить. Самое время для торговли.

Город поразил девушку строгой белизной огромных храмов с горящими на солнце куполами, и затейливостью резных деревянных, расписанных красным теремов. Он не был таким пестрым и шумным как караван-сарай. В нем была своя строгая и величавая красота. Здесь не было душного сочетания пряностей и верблюжьего пота, суеты. Холодный, свежий воздух пах сосной и берёзовым дымком. Люди были степенны и серьёзны. Их голоса казались Зареме необыкновенно низкими и сильными.

Кибитки долго кружили по улицам, высланными потемневшими длинными досками. Зарема не могла себе представить, из каких громадных деревьев их сделали. Наконец, дед остановил лошадей.

–Вот здесь, у Ефима на подворье и встанем. Он мужик богатый. Я с ним сколько раз торговал. Не скупится, не торгуется, платит сколько скажешь.

За домом у него большой пустырь, там шатры и разобьём. Теперь нам много места не надо, – вздохнул старик.

У Ефима праздновали. Все домочадцы были пьяны. Хозяин сам отворил ворота, обрадовался цыганам как родным.

– Вовремя вы, вовремя! Заезжайте, и сразу к столам, потом скарб разберёте.

Зарема совсем не понимала язык северян, и дед шёпотом объяснял ей. Ефим был рослый, плотный, седоволосый с густой курчавой бородой, розовощёкий и улыбчивый. Он обнял и расцеловал деда Заремы. Засыпал его вопросами:

– А это кто? Внучка твоя? Красавица! Чего же так долго не приезжали? Что ж вас так мало? И кони где? Не бойсь, уже продал, старая bestия?

– Татары, – вздохнул дед.

Хозяин помрачнел.

– Ну нечего, нечего. У нас здесь пока тихо. А немцев били и будем бить! Эй, Иван, Трофим, Васька! Принимайте дорогих гостей.

Дед с Заремой вошли в дом, а остальные цыгане покатали свои кибитки на пустырь. Следом уже несли обильное угощение. Сыновья у Ефима были русоголовые, высокие, статные. Как на подбор. Хоромы светлые, просторные. Большущий деревянный стол уставлен яствами. Вдоль него полно гостей, пьют, хохочут. Зарема пристроилась с краешку, по сторонам глазеть боялась, смотрела в свою расписную миску. Хозяин кормил вкусно. Хмельной мёд девушка пробовать не решилась. А дед рядом пил и побряхтывал:

– Крепок медок. Эх, ядрёный!

Ефим поднялся, гости затихли, повернулись все в его сторону. Дед переводил заплетающимся языком, Зарема его почти не слушала.

– А теперь, гости дорогие, хочу вас позабавить. Был у дедов наших славный обычай – отпускать пленников.

Гости зашумели не то одобрительно, не то возмущённо. Зарема стала прислушиваться. Хозяин продолжал:

– Пять дней назад мы отбили у татар обоз с русичами, были там и басурмане. Мне достался один парнишка. По виду турок, но кто такой не говорит. А вчера, взял я немца. Так думаю, устроить между ними кулачный бой. Кто победит, того отпущу.

Гостям идея понравилась, все поднялись и направились к дверям. Зарема ничего не понимала, потянула деда за рукав, но его сморило от выпитого мёда. Старик уснул прямо за столом. Девушка попыталась его разбудить, но ничего не добившись, вышла во двор вслед за остальными.

Народу собралось много, яблоку негде упасть, но в центре оставили большое, круглое поле. Все чего-то ждали. Зарема не могла понять, что они собираются делать. Народ зашумел громче. Она забралась на какую-то колоду, чтобы хоть что-то разглядеть. Пустая поляна стала видна как на ладони.

Зарема вскрикнула от неожиданности, когда в центр круга сыновья Ефима вывели темноволосого, курчавого парня. Зарема узнала Селима. Она так обрадовалась, что не знала плакать или смеяться. Она прыгнула с колоды и стала пробиваться к нему.

– Жив! Жив! Здесь! Рядом! Вернулся!

Но её не пропускали.

– Это Селим! Это мой жених! – пыталась объяснить цыганка.

Её не понимали, сердито отмахивались. Девушка дёрнула пожилого соседа за рукав рубахи.

– Он цыган, он свой, он друг! Он из табора! Жених!

Её не слушали.

– Он мой, – всхлипывала девушка.

Толпа опять зашумела, Зарема поспешно забралась на своё прежнее место, она увидела Селима, а напротив него стоял гордо подняв голову....Фридрих! Зарема опять хотела кричать, что она его знает, но замерла, боясь на мгновение отвлечься.

Ефим что – то громко объяснял, потом махнул рукой. Зарема поняла, что Фридрих и Селим будут драться. Противники смотрели друг на друга, не двигались. Вдруг, Селим бросился на немца, получил тяжелый удар в челюсть и упал на спину. Но быстро вскочил, тряс головой. Рядом с Фридрихом он казался подростком, худым и вертлявым. Цыган непрерывно атаковал немца со всех сторон, получал увесистые удары, уворачивался, отскакивал, и снова нападал.

Зарема смотрела с ужасом. Она сама не знала, кому желает победы. Оба были ей дороги.

Новгородцы веселились, подзадоривали бойцов, свистели. Оба пленника стали уставать, вытирали с лиц пот и кровь. Но немец был явно сильнее, теснил цыгана. Селим опять упал, отполз в сторону, собрался весь, выхватил из-за голенища короткий нож и метнул в противника. Зарема охнула и прижала кулачки к шее. Фридрих схватился за горло, руки сразу стали красными. Он покачнулся и упал замертво.

Зарема страшно закричала. Новгородцы загудели, ринулись бить цыгана за нарушение правил, но Ефим остановил их и указал Селиму на ворота. Победитель медленно пошёл прочь.

Кибитки медленно тащились по весенним, раскисшим дорогам. На деревьях проклюнулись первые листочки, воздух был дурманяще свеж, птичий гомон заглушал скрип колёс. Целый год провели цыгане в богатом Новгороде.

Зарема прижимала к груди своего розовенького малыша и подолгу смотрела на него с нежностью. Всё о чем она мечтала год назад, исполнилось в её жизни. Дед выздоровел, Селим был рядом. Она подняла глаза на мужа, он гордо гарцевал на новом роскошном жеребце. Отчего же так бесконечно грустно? Зарема незаметно смахнула слезинку.

– Спи ,спи, мой маленький.

Но сын не хотел спать, смотрел на неё небесно– голубыми глазками и улыбался.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ЧЕМ ДАЛЬШЕ, ТЕМ СТРАШНЕЙ.

Яркий свет, решительно убивает приятные, безмятежные сны. Просыпаться, думать, понимать что я все еще взаперти. Не хочу! Я накрываюсь одеялом с головой, поворачиваюсь к стене, воздух быстро кончается. Я вытаскиваю нос, подглядываю одним глазом...

Со стены, у самого лица, на меня пристально глядит, деловито шевелит усами, отвратительный, рыжий, огромный таракан. С диким визгом, я пулей вылетаю из кровати, отмахиваюсь подушкой, отпрыгиваю назад, на кого-то налетаю. За спиной что-то обрушивается, катится по полу. В это время таракан галопом бежит по кровати, достигает края, подергав усами, спрыгивает и, к моему непередаваемому ужасу, на двух маленьких рыжих крылышках благополучно перелетает на пол и приземляется у моих ног. С боевым криком я хватаю тапочек обеими руками, подымаю его над головой, и обрушиваю на насекомое. Только увидев жалкое пятно на линолеуме, я могу спокойно выдохнуть и обернуться. Незнакомая мне сестра крутит пальцем у виска:

–Дурдом!

Я с победным видом осматриваю поле битвы: по всему полу валяются бутылки, таблетки, шприцы, медсестра собирает их на деревянный лоток, как у коробейников в кино. Шприцы большие, стеклянные, уложены в железные коробки. Уже в который раз, мне кажется, что в этом месте время остановилось, застряв где-то в послевоенных годах.

–Уколы? – удивляюсь я, – вчера же их не было.

– Вот именно, не было, – соглашается сестра, – нечего было колоть, мы и не кололи.

Женщина она неприятная, с крупным носом, большими ушами, руками, ногами; в старом, застиранном, явно малом ей белом халате с засученными рукавами. Она почему-то напомнила мне, колоритного палача из средневековых сказок.

Все мои подруги по заключению восседают на своих запровленных кроватях, уже одетые и причесанные, словно проснулись давным-давно. Сестра ставит свой латок на Иркину тумбочку, достает из своих железных коробок шприцы, ампулы. К моему удивлению, все настроены благостно.

– Мой церебрализинчик, – радуется Пуся, словно встретила старого друга.

– Моя валерьяночка, – в тон ей вторит Ирка.

Можно подумать, они даже рады лечению, только Лена, на мой взгляд, ведет себя адекватно. Она брезгливо морщится и честно признается:

– Терпеть не могу церебрализин, он плохо рассасывается. Я вообще не люблю уколы.

– Люблю, не люблю, – ворчит сестра, – подставляй задницу.

Уколы она ставит размашисто, отчаянно, словно мстит за давние оскорбления. И почему процедурные сестры так не любят своих пациентов? Я искренне радуюсь, что экзекуция меня не касается.

После ухода палача в белом халате мы мирно стучим алюминиевыми ложками по своим железным мискам, борясь с сильным желанием вылить кашу в раковину. Так есть хочется! Но каша все равно, совсем не похожа на еду.

День медленно плетется дальше. Как обычно, Пуся радостно прыгает на кровати. Я пытаюсь пристроиться на краешке своей, принять удобную позу, но снова и снова скатываюсь по растянутой сетке вниз.

– Теперь понятно, как эти кровати приобретают свою форму, – замечаю я, кивая на Пусю. – Интересно, кто лежал здесь до меня? Наверняка, такая же любительница попрыгать. Узнать бы, где она теперь.

– Здесь лежала очень милая дама, – живо реагирует Маша. – Ее выписали перед самым твоим приходом. Теперь она поселилась в розовом домике.

– Что еще за розовый домик? – настораживаюсь я.

Верка весело подключается к разговору, как-то недобро усмехнувшись:

– Ну, розовый домик, разве ты не знаешь? Возле каждой больницы есть такой маленький домик для самых любимых пациентов.

Я ничего не понимаю:

– О чем вы говорите? Это какая-то шутка?

Лена вздыхает устало и объясняет по-человечески, серьезно и даже грустно:

– Они говорят про морг. Его обычно устраивают в отдельном маленьком домике, и неизвестно почему, всегда белят в розовый цвет.

– Она что умерла?! – я вскакиваю от возмущения, – до меня здесь лежал труп?!

– Успокойся, успокойся. Они пошутили, – уверяет Лена. – Пациентку лежавшую на твоей кровати просто выписали домой.

Я спокойно вздыхаю, опускаюсь обратно на свою кровать, и как всегда проваливаюсь, чуть ли не до самого пола. Только я успеваю подумать, что Лена нормальный приятный человек, как она встает, набрасывает на плечи покрывало и раскинув руки словно крылья начинает плавно кружиться по комнате. Я гляжу на нее с недоумением.

– Обычное дело, – бросает Маша. – она думает, что она моль и может летать.

– Ерунда, какая-то, – не верю я. – Чего ради ей так думать?

– Говорят, она свихнулась после дефолта. Прямо перед тем как накрылись все вклады, ее муж продал машину, гараж и дачу, они собирались переезжать в теплые края. Само собой, до поры положили все деньги в банк. Узнав, что обратно ничего получить нельзя, она и стала

молью. Это еще что, порой ей кажется, что за ней с мухобойкой гоняются сам Ельцин и Гайдар. Во, во, смотри, начинается.

«Моль» резко поворачивается и мечется по палате. Она запрыгивает на кровати, на колченогий стульчик, на тумбочки. Ее движения полны ужаса. Накрывшись с головой своими «крыльями», Лена наконец затихает.

–«И такая дребедень каждый день», – смеется Маша. – Психи, что с них возьмешь?

После обеда, объявляют сон час, для меня это полная неожиданность.

–Я здесь уже третий день, почему вчера не было никакого сон часа? – недоуменно спрашиваю я у сторожил.

Маша охотно объясняет и это.

–«Элементарно, Ватсон». Вчера были спонсоры, ради этих толстых дядек изменили весь режим. А позавчера, ты явилась как раз после сон часа. Все очень просто.

–И долго продолжается этот ваш сон час? – уныло интересуюсь я.

–Три часа, – радостно откликается Верка.

–Я не смогу спать так долго! – Заявляю я.

–Сначала все так говорят!

... Я поправила белый передничек, оглядела себя в старенькое мутное зеркало. Оттуда на меня смотрела милостивая девушка, в темно – коричневом платье горничной.

–Как хорошо, что меня взяли на эту работу. Спасибо, тебе господи, – тихонько прошептала я, – хозяйка такая молодая, элегантная, утонченная, говорят, она танцовщица, человек искусства. Такая не станет слишком придираться и бить слуг.

Я снова любовно оправив свой передник потянула воротничок за уголки. Труднее всего было замотать в тугую шишку, мои упрямые кудряшки. Вот одна опять выбилась над ухом. Я принялась ее поправлять, когда услышала громкий, но мелодичный приятный звон серебряного колокольчика.

–Ой, госпожа Айсидора, – спохватилась я и бросилась из комнаты.

Я вихрем влетела на лестницу, но все равно опоздала, мадам уже вышла из будуара, одетая для прогулки, торопливо натягивала перчатку.

–Вы слишком медленно ходите, моя милая. В слугах я ценю стремительность, – рассмеялась она добродушно, – сегодня я вернусь поздно постарайтесь не опоздать с ужином.

Она стала уже спускаться, а я заметила брошенный на ее кресле, длинный шелковый шарф. Наверняка она примеряла его, перед тем как одеть на прогулку. Я влетела в комнату, подхватила шарф двумя пальцами, аккуратно сложила на ладони и бросилась к госпоже вслед.

–Мадам, мадам, вы забыли ваш шарф!

Она обернулась, так грациозно, что с нее надо было бы писать картину.

–Что?

–Ваш шарф, мадам.

Я на вытянутых руках подала ей струящуюся легкую материю.

–Спасибо, милочка, я совсем забыла. А без него, мой наряд, был бы явно не полным.

Она взяла свой шарф, обмотала вокруг шеи и элегантно перебросила через плечо, его длинный конец свисал до самого пола. Я проводила ее до двери. Приятный молодой человек, помог сесть ей в автомобиль. Размотавшийся шарф, длинным краем почти задевал пыльную дорогу за несшимся автомобилем...

Мне страшно не хватает воздуха! Я открываю глаза – все плывет! Хочу кричать, не могу! Меня кто-то душит! Горло сжимают цепкие пальцы. Я пытаюсь отбиваться! Хочу отцепить от себя душителя...

–Ты меня убила! Ты меня убила! – визжит кто-то.

Меня спасают, разжимают смертельную хватку. Я хватаю ртом воздух, дышу как собака. Вокруг меня толпятся подружки по палате. А напротив двое дюжих санитарок с трудом удерживают кричащую и вырывающуюся Пусю.

Пусю сразу уводят, я стараюсь придти в себя, трясую головой. Шея болит и противно хочется все время покашливать.

–Чего это она? Вы что знакомы? – пристаёт с расспросами Маша.

Я только отрицательно мотаю головой. Она разглядывает мою шею, констатирует уверенно:

–Синяки останутся. Интересно, кого к нам теперь поделят? Бедная Пуся надолго переселится к буйным.

–Так, она сюда больше не вернется? – хриплю я.

–Не, не бойся, за такое ей точно сменят прописку.

–А почему же, Ирку в тот раз не забрали? – недоумеваю я.

–Я слышала, санитары определяют степень безумия по силе сопротивления. Чем сильнее псих, значит, тем меньше он собой владеет. Ирка Верку лупила-лупила, да все обошлось даже без синяков. А маленькая Пуся чуть не угробила тебя, и санитары с ней еле справились. Пену изо рта у нее ты видела?!

Я только киваю, и очень радуюсь про себя, что сегодня можно будет заснуть не боясь не проснуться. И все-таки так странно и так жалко её.

Вечер сменяет скучный длинный день, за решетками окон опускаются сумерки, крохотная полоска неба стремительно темнеет. Кирпичная стена какого-то строения, закрывающая всякую видимость из окон нашей палаты, становится непроглядно черной. Пора спать. Мы расходимся по кроватям, гаснет свет. Я ворочаюсь, кровать громко жалобно скрипит. Уснуть не могу, закрываю и снова открываю глаза. Наконец, я не выдерживаю, сажусь на кровати и тихонько зову:

–Маша, ты спишь?

К моему немалому удивлению, с соседней кровати доносится скрип, тяжелый вздох и решительный голос:

–Нет, не сплю. Черт знает что! Со мной такого с роду не было. Все из-за полнолуния.

–Сегодня полнолуние?! – удивляюсь я.

–Еще бы, смотри какая дура на небе висит!

Я поднимаю глаза, и действительно вижу, круглую, яркую луну, зависшую прямо напротив. Даже в палате стало светлее.

–Вот, из-за нее-то, наши психи и бесятся. Еще классики писали, что в полнолуние у всяких чудиков обострение.

–Но Пуся, напала на меня днем, – пожимаю плечами я.

–Какая-то логика у тебя, прямо из анекдота! Можно подумать, луна реально исчезает, если ты ее не видишь!

–И все таки, я не никак не могу понять, почему она на меня набросилась. Пуся совсем не похожа на Айседору Дункан.

–Причем здесь Дункан? – удивленно спрашивает Мария, и тоже садится на кровати.

Деваться мне некуда, приходится подробно рассказать ей свой сон. Маша восторженно слушает, не перебивает.

–... а что было дальше ты и сама знаешь.

–Ну и ну! – выдыхает Маша, – вот это история. Или вы смотрели один и тот же сон, но тогда... Или все это просто совпадение. Не верю я в такие совпадения! Слушай, это же готовый рассказ!

–Только слишком короткий, – замечаю я.

–А можно я твою историю напишу? Я еще дополню, такого напридумую.

–Валяй! – охотно соглашаюсь я.

–Такая история не должна пропасть, – воодушевляется Маша. – Я из нее конфетку сделаю!

–Так и назовешь «случай в дурдоме»? – усмехаюсь я. – Кстати, я все не могу поверить, что ты могла добровольно сюда придти.

–Конечно, не добровольно, – морщится Маша. – Я тоже здесь не по собственному желанию. Я собиралась совсем в другое место.

–Куда?

–На кладбище... сюда свозят всех, кого откачали после суицида. Я пыталась решить все проблемы разом. Теперь понимаю, насколько была не права. А ты тоже вроде не похожа на психа, так чего здесь торчишь?

Я уже собираюсь начистоту выложить все свои тайны, но в палату заглядывает разъяренная врачаха, и страшно шипит, что все должны спать. Приходится соблюдать тишину. Мы ложимся, темнота и тишина делают свое дело, и я, наконец-то, засыпаю.

Главным событием следующего дня становится прогулка. Мне и в голову не могло придти, что в подобных заведениях бывают прогулки. Но Маша заверяет меня, что очень редко, но такое все же случается.

–И когда вы гуляли последний раз? – на всякий случай спрашиваю я.

–Честно говоря, давным-давно, – признается Маша, – я так и не поняла по какому принципу здесь назначают дни прогулки. Буйных, я думаю, гулять не пускают.

Мы ожидаем редкого события с радостью и опаской, я и вовсе не могу предположить, на что это похоже. Первая половина дня пролетает незаметно. Обычные, уже хорошо знакомые процедуры обходятся без приключений. И вот, нас строго предупреждают, что сейчас мы идем одеваться, и если что, прогулку вообще отменят. Мы клянемся вести себя образцово, нам приносят наши вещи. И вот он великий миг!

Обшарпанная дверь открывается, здравствуй воздух, осень, свобода! Не тут-то было. Нас выпускают на небольшой кусочек земли, с четырех сторон затянутый металлической сеткой, словно загон для диких животных. Чахлая трава, пара убогих кустов, скамейка из гнилых досок – вот и все. Из кустов рванула какая-то рыжая дворняга, шмыгнула в угол ограды, и нырнула в незаметную ямку под сеткой. Свободная псина с громким лаем, весело размахивая длинным хвостом, бросилась бежать прочь. Я с завистью смотрю ей в след. Поднимаю глаза вверх, надо мной бескрайнее небо. Не голубое, уныло серое, в мрачных рваных облаках, но такое огромное и прекрасное, после низких беленных потолков. Холодный, пронизывающий ветер, кажется мне подарком судьбы.

Лена с Ирой усаживаются на скамейке, мы с Машей мечтательно смотрим в даль, где за ровным рядом облетевших тополей видна дорога, шмыгают туда сюда автомобили. Там свобода, там люди! А здесь за нами неусыпно следит грузная недовольная врачаха. Спрятав руки в рукава своей куртки, она стоит у нас за спиной, у двери в больницу. Погодка ей явно не нравится. Врачиха хмурится и поеживается.

Тягучую нудную действительность резко прерывает неприятный звук. Врачиха за нашими спинами оглушительно чихает, сморкается, вздыхает и скрывается за дверь. В тоже мгновение, стоявшая как соляной столб Верка, одним прыжком пересекает нашу клетку и оказывается возле скамейки, сталкивает с нее Ирку с Леной, прыгает на сиденье. Одна из досок ломается, Верка набрасывается на нее, отламывает совсем и бросается с доской в руках к ямке, через которую выбралась собака. С озверелым выражением лица она начинает ковырять землю обломком доски, стараясь увеличить ямку. Мерзлая земля и щебень поддается ее напору, отверстие быстро растет и пять минут спустя Верка бросает свою доску, садится на землю и лезет под сетку. Ей удается легко протиснуться, она вскакивает на ноги и мчится к заветной дороге.

Все словно застыв, смотрят ей вслед. Мне кажется, что это происходит во сне, а во сне можно все. Сердце у меня замирает, сама себя не помня, я подбегаю к яме, повторяю Веркин маневр, и завалившись на спину ногами вперед лезу под сетку. Я благополучно пробираюсь дальше, дальше и вдруг застреваю. Приходится отогнуть край сетки, для того чтобы освободиться. Я вскакиваю на ноги, не отряхивая джинсы и куртку бегу, что есть сил, следом за Веркой.

Вожделенная дорога быстро приближается. Верка поворачивает куда-то в сторону и пропадает из виду. Я подбегаю к дороге, вижу притормаживающий перед остановкой автобус, машу руками, бегу к нему. Опаздываю, опаздываю! На мое счастье, водитель решил меня подождать. Влетаю на заднюю площадку, двери сразу закрываются. Я сквозь них последний раз вижу злополучную больницу. Держусь за поручень, поворачиваюсь к пассажирам. Сидящая рядом, бабка смотрит на меня недовольно и с подозрением. Я негромко, но так чтобы слышала не только она, объясняю:

–На работу опаздываю, бежала на автобус, поскользнулась, упала.

Я старательно нарочито неторопливо отряхиваюсь. Бабка потеряв ко мне интерес отворачивается к окну. Стою на задней площадке, смотрю в большое запыленное стекло. Автобус быстро едет вперед, подпрыгивает на колдобинах, а мое сердце скачет от радости. Хорошо, что никто сейчас не видит моего лица, растянутого счастливой победной улыбкой. Ни о чем думать я не способна. Будь, что будет!

Долгое автобусное путешествие заканчивается, я выскакиваю, так и не заплатив. Чтобы добраться до дома, придется еще столько же трястись на троллейбусе. На остановке долго торчать не приходится, вскоре я уже втискиваюсь в душную тесноту очередного транспорта. Качаюсь зажата, как сельдь в банке, нет нужды даже держаться. А мне хорошо, я улыбаюсь! Просто-напросто, я ярко представляю как вернусь домой, наполню ванну, и буду лежать в душистой пене. Удовольствие доставляет даже прозаическая мысль о родном унитазе. Своим собственном! Самым ужасным, в далекой уже психушке, для меня были походы в туалет по длинному холодному коридору в сопровождении злой санитарки. Дверь без щеколды и вечный окрик: «Быстреей давай!». Я улыбаюсь тому, что кошмар закончился, разглядываю пассажиров от нечего делать.

Толстенный дядечка занимает пол троллейбуса, пыхтит, отдувается, вытирает пот со лба. Он совсем придавил к стенке худющую серую тетку. Устало и обречено, смотрящую в одну точку. В глаза бросается чья-то спина, в возмутительно красном засаленном пальто. Волей не волей, разглядываю грузную женщину. О господи! Это красное приведение безо всяких сомнений процедурная сестра из психушки! Та самая, которая так явно напомнила мне палача. Она стоит спиной, видеть меня не может, но у меня сердце выпрыгивает со страху. А вдруг... Жду остановки как спасенья, а троллейбус все едет, едет. Наконец, он замедляет ход, останавливается, двери открываются. Ура! Я пулей вылетаю на остановку.

Двери закрываются, транспорт движется дальше, увозя грозную медсестру. Я топчусь на месте, не зная, ждать следующий троллейбус или отправляться пешком. До дома еще далеко, я остаюсь ждать. Время идет, холод и сырость подстегивают мое нетерпение. Выглядываю на дорогу, в пределах видимости нет ничего похожего на нужный мне транспорт. Решено! Уж лучше топтать пешком и двигаться, чем стоять и замерзать здесь.

Я сворачиваю с центральной улицы, срезаю путь через дворы. Я все еще не разобралась, происходит ли все наяву или во сне. Только что мне показалось, что все происходящее реально, и я вполне владею ситуацией, как реальность снова от меня ускользает. Ну, не бывает такого на самом деле!

Я шагаю через незнакомый двор, аккуратно обходя лужи и грязь, только смутно представляя, куда я должна выйти. Двор самый обыкновенный: старые дома, кривые голые деревья, поломанные лавочки, собаки, голуби... и конь. Хороший такой конь, красивый, рыжий.

Помнится, такая масть называется гнедой. Откуда мне это помнится?! Я опять решаю, что все происходящее это только сон и успокаиваюсь. Действую, как в голову взбредет.

На этот раз мне взбрело не благоразумно пройти мимо, а направиться прямехонько к коню. Странная фантазия. Ведь я всегда боялась лошадей.

Видимо не всегда! Я сама с удивлением наблюдаю, как подхожу к коню, смело глажу его по шее. И даже не удивляюсь, когда он тянется ко мне как к старой знакомой. Дальше я сражаю себя наповал. Я или не я, а то что мною движет, опирается ногой на кривой пенек, легко и весело вскакивает на спину коню. Мало того, что я никогда в принципе, не была способна на подобное безумство. Так ведь на коне нет никакой сбруи. Я ничего не понимаю. Сон, просто сон! Честное слово, я бы не удивилась даже, если бы оседланный мною гигант повернулся и представился по-русски или, скажем, по-английски:

–Hi, my name is Dick.

Понятия не имею, как можно заставить лошадь двигаться. Тем не менее, я что-то делаю, и огромная, чудовищно сильная зверюга покорно и плавно двигается в ту сторону, куда мне и нужно.

Сию, раскачиваюсь, боюсь, размышляю о том, что окончательно спятила и еду себе, еду. Один двор сменяет другой, мы уверенно приближаемся к моему дому. Только придется выбраться из дворов и пересечь центральную улицу. Странно, я всегда полагала, что кони боятся машин, а рыжий абсолютно спокоен, словно всю жизнь прогуливается по городу.

Если бы я спала, я бы сразу проснулась! Оглушительный милицейский свисток пугает меня до полусмерти.

–Сержант Попелев, – представляется низенький круглый гаишник.

Тут мой конь громко хамски ржет.

–Ну, что вы смеетесь? – обижается сержант. – Моя фамилия происходит от настоящих польских королей! А вы чего нарушаете?! – приосанился царственный постовой.

–Я? А что нельзя? Я не знала, – мямлю я, слезая с теплой конской спины.

–Нарушаете! – грозно повторяет потомок польских королей.

Пока я лихорадочно соображаю, что денег на штраф у меня все равно нет, конь сам решает возникшую проблему. Он не выслушивает длинную речь сержанта о том, какие пункты и параграфы мы нарушаем, и просто скачет обратно во дворы, откуда и появился. Когда животное исчезает из вида, похоже не мне одной кажется, что его и не было. Сержант прокашливается, делает под козырек и поворачивается ко мне спиной. Окружающая меня реальность закачалась и стала медленно покрываться рябью, как вода в пруду от дуновения ветерка...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

СМЕНА ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ.

Я просыпаюсь, но медлю, боюсь открыть глаза. Вдруг все: и побег, и автобус, и конь было только сном. И открыв глаза я опять обнаружу, что по-прежнему нахожусь в больничной палате. На всякий случай, сначала принохиваюсь. Запахи вокруг не знакомые, но на больничные совсем не похожи. Я решаюсь открыть глаза.

–Господи боже, да что ж это такое?!

Я не в больнице, но я и не дома! Где я?! Двухспальная кровать, чужая комната, незнакомая обстановка. Шкаф, тумбочки, круглое зеркало, желтые шторы. Открывается балконная дверь, шторка отодвигается, в комнату вваливается абсолютно незнакомый мужик в семейных трусах и тапочках. Судя по сильному запаху, на балкон он выходил покурить. Мужик гнусно усмехается, подмигивает мне и произносит:

–Головка-то бобо.

Я хочу в ответ сделать энергичное отрицательное движение головой, и понимаю, что он прав. Голова трещит неимоверно. Мужик тем временем чешется весьма не эстетично и тащиться вон из комнаты. Я тем временем осматриваю себя. Руки, ноги при мне, синяков нет. Одежды тоже. Джинсы, футболка, лифчик – все валяется на полу, разбросаны между дверью и кроватью.

– Неужели я... с ним... – возмущаюсь я вслух.

Меня никто не слышит и не дает ответа на мой отчаянный вопль. Я опасливо выбираюсь из под одеяла, насколько могу, быстро натягиваю одежду. И как ошпаренная, вылетаю из спальни. Сразу оказываюсь на крохотной кухне. За столом подперев сидит все тот же мужик, по-прежнему гнусно ухмыляясь сообщает:

– Ты правильно сделала, что не стала ждать кофе в постель. Кофе нет. Будем пить чай.

Не хочу я с ним ничего пить! Хотя, от кофе я бы не отказалась, уж больно голова болит. Но именно кофе нет! Хочется кого-нибудь убить, но больше не способная на резкие действия, я бессильно опускаюсь на табуретку. Совсем рядом назойливо шумит вода, когда этот звук прекращается, даже в голове светлеет. Дверь рядом с кухней открывается, я не свожу с нее глаз, ожидая всего чего угодно. Из ванной комнаты завернутая в полотенце, с мокрыми волосами неспешно выплывает соседка Зинка.

– Я смотрю, вы с моим Колькой уже познакомились, – весело замечает она, закручивая длинные волосы в полосатое полотенце.

Зинка плюхается на табурет, машет рукой, словно муху прогоняет.

– Коль, иди погуляй! Нам с Лизой надо посекретничать.

В очередной раз, гнусно усмехнувшись, тип в семейных трусах неспешно удаляется из кухни. Из соседней комнаты сразу начинает орать телевизор. Зинка смотрит на меня с видом заговорщицы, подмигивает, спрашивает лукаво:

– Рассольчику хлебнешь?

– А надо?

– Надо, Федя, надо!

Она достает из холодильника литровую банку с мутной жидкостью, наливает полный стакан, протягивает мне. Я неохотно беру его, начинаю пить дано проверенное средство от головной боли после вчерашнего. И память покорно возвращается. Я вспоминаю все. И сразу жалею, что вспомнила.

...расставшись с царственным гаишником и оставшись без лошади, я сразу чувствую, как сильно успела промерзнуть в своей тоненькой курточке, и быстро насколько хватает сил бегу домой. Благо, теперь уже совсем близко. Я залетаю в подъезд, не хочу даже пользоваться лифтом, несусь через две ступеньки, чтобы согреться. Возле родной двери успеваю порадоваться, что не послушалась Маринку и взяла с собой ключи. Отпираю замок, захожу. В квартире совсем тихо. Видимо, Серега еще на работе. Только в ванной противно капает вода. Терпеть не могу этот звук! Едва успев разуться, топаю закручивать кран.

Распахиваю дверь в ванную и застываю, разом лишившись даже речи. Передо мной разворачивается сцена из Голевудского фильма: в благоухающей ванной наполненной белоснежной пеной и алыми цветочными лепестками, закрыв глаза нежится роскошная блондинка.

Я уже открываю рот и набираю воздуха, чтобы наброситься на нее с расспросами, когда из воды выныривает Серега. Мой Серега! Как я могла его не заметить сразу?! Он тупо хлопает глазами, что-то мычит. Что бы вы сделали на моем месте? Я выскочила из ванной, хлопнула дверью и закрыла защелку снаружи. Не хочу этого видеть, не хочу знать! Даже рядом находиться не хочу!

Я направляюсь в комнату, резко сажусь на диван, вскакиваю. Не могу сидеть! Они здесь сидели! Бегу на кухню. Они здесь ели! Они...здесь... в моей квартире... на моей кровати...

– У-У!! Гады! Ненавижу!

Из ванны долетает возня, пленники пытаются выйти.

–Лиз, открой!

–Фиг вам! И слушать не буду, и вообще уйду! Сидите там до второго пришествия.

Я методично обуваю один сапог, второй, застегиваю. Беру с тумбочки ключи, выхожу и запираю за собой дверь, кладу ключи в карман.

–«Ну, и что делать дальше?»

Я недолго мучаюсь этим вопросом, просто пересекаю площадку, и нажимаю в соседский звонок. Если когда-то он имитировал птички трели, то теперь у него большие проблемы. Вместо мелодичных голосов птиц, из-за двери слышно противное козлиное бляенье. Открывает сама Зинка и спрашивает с готовностью скорой помощи:

–Что стряслось? На тебе лица нет!

–Серегга – гад! Сволочь!

Соседка ничуть не удивляется, выпускает маня в квартиру, поддакивает:

–Все они сволочи!

–Стоило мне только уехать... он сразу... ты знаешь эту блондинку?

–Так она блондинка, – отмечает Зина, – значит, у тебя соперница. Этого следовало ожидать. Мужиков нельзя долго оставлять без присмотра.

–Меня не было всего несколько дней! – возмущаюсь я.

–Тебе срочно надо выпить!

–Зачем?

–Сразу полегчает.

Я верю ее убежденному тону, иду к ней на кухню и напиваюсь до беспамятства. Стало ли мне легче? Не помню! Помню только, когда я пить больше не могла, Зина предложила лечь спать...

Воодушевленная тем, что все стало ясно и пристыженная тем, что именно я вспомнила, прощаюсь с соседкой, отказавшись продолжить вчерашнюю оргию. Я возвращаюсь в свою квартиру, в надежде никого там уже не застать. Хотя совершенно не могу себе представить, как именно должны были выбраться из запертой ванной комнаты, злополучные любовники. Опасаюсь, что дверь, Серегга просто выбил.

Первое что я замечаю, переступив порог, то что дверь ванной все еще цела и широко распахнута. Иду дальше, цветы на кухонном подоконнике совсем завяли. Я поворачиваюсь к раковине, чтобы набрать воды и полить заморышей, и обнаруживаю, что раковина погребена под громадной горой грязной посуды.

–Вот уроды!

–Сейчас все помою, – неожиданно раздается за спиной вкрадчивый голос Серегги.

Я резко поворачиваюсь к нему, замахиваюсь... От звонкой пощечины мне становится легче. Он трет щеку, делает вид, что очень удивлен.

–За что? Неужели из-за посуды?

–Да причем здесь посуда?! Не притворяйся идиотом! Я же сама все видела.

–Видела что?

Почему-то, его наивные глазки совсем не успокаивают. Я чувствую, что опять закипаю.

–Мой! – я властно указываю на гору посуды.

Серегга на удивление покорно приступает к ненавидимой им работе, а я начинаю допрос:

–Что это было?

Сожитель мой молчит, притворяется, что не расслышал меня. А я уже не могу остановиться:

–Давай-давай, соври мне что-нибудь! Ты опять чистил канализацию? А блондинка – слесарь из ЖЕКа?! Крутая у них теперь униформа. Зато удобно стирать не надо!

Сергеа только сопит, сосредоточенно намывает грязные тарелки. Я увлеченно перебираю варианты:

–Я понимаю, видимо, я не права! Блондинка просто твоя коллега по работе! Вы обсуждали годовой отчет, вода нужна была для конспирации, конкуренты замучили.

Наконец, мой сожитель не выдерживает:

–Да не было ничего, не было! Тебе показалось!

–Показалась?! – взрываюсь я.

–Конечно, – он убийственно серьезен.

–Скажи еще, что блондинки вообще не было!

–Не было, – не моргнув глазом, заявляет Серега.

–Так я ее придумала?

–Не знаю, может быть, – мнется Серега. – во всяком случае здесь никакой блондинки нет! Нет и не было, хочешь – проверь!

–И проверю! – кричу я и несусь в ванную.

Само собой, я не нахожу ни малейших признаков недавнего происшествия. Их нет ни в зале, ни в спальне. Ни одного светлого волоска, ни забытой вещи, ни запаха чужих духов. Вдруг, я неумолимо ярко представляю себя со стороны. Уже победивший посуду Серега ходит следом. Я опять набрасываюсь на него:

–Прекрати делать из меня дуру!

Сожитель мой только плечами пожимает. Я резко сажусь на кровать, вскакиваю, снова сажусь. Серега еще смеет успокаивать:

–Не волнуйся, ты только что из больницы. Марина мне все рассказала. Быстро тебя выпустили.

–Слишком быстро, ты даже любовницу спрятать не успел! – парирую я.

–Тише, тише, не надо волноваться.

Этими словами он меня окончательно допек! Именно в этот момент, я вижу на ковре один единственный длинный золотистый волос. Все! Конец моему терпению!

–Знаешь что, Сережа, – начинаю я почти мягко, – иди к черту!

Он удивленно хлопает глазами, не может поверить в то что услышал.

–Иди к черту! – повторяю я, – С вещами на выход!

А в одиночестве есть масса приятного, я понимаю это, как только закрываю за Сергеей дверь. Боже мой, как он мне, оказывается, мешал все это время! В квартире сразу как будто прибавилось воздуха. Больше никогда, никого сюда не пущу!

Истеричный звонок телефона нарушает мое недолгое спокойствие. Я забегаю в комнату, хватаю трубку:

–Алло.

–Лиза, ты дома! – восторженно кричит в трубку Марина. – Это точно ты? Ты одна?

–Абсолютно, – радостно подтверждаю я.

–Ну, ты сволочь! Я тебя обыскала! Приезжаю в больницу, в палате только три дуры, а тебя нет. Спрашиваю, куда делась. Мне говорят – сбежала с какой-то малолетней Веркой. Куда, никто не знает. Звоню домой – трубку берет какая-то девица, заявляет, что никакой Лизы здесь нет и не было. Я опять звоню, звоню, никто не отвечает. Где ты шляется?

–Это длинная история, – успеваю вставить я.

–Так, – успокаивается Марина. – Сейчас я к тебе приеду. У меня тоже есть, что тебе рассказать.

В трубке раздаются гудки. Ждать Маринкиного появления мне долго не приходится. Уже минут через пятнадцать, она появляется на пороге, невозмутимая и деловая, как всегда.

–Так, ставь чайник. На улице дикий холод. У меня зуб на зуб не попадает.

Заполучив чашку с горячим чаем и наворачивая ложкой вишневое варенье, Марина приступает к объяснениям:

–Я собственно тебя искала, чтобы сообщить, что волноваться тебе больше не о чем. Значит так, пострадавший, то есть труп, оказался наркоманом со стажем. Не удивительно, что ты так легко с ним справилась. Болячек у нарка было до черта. Патологоанатом даже сомневался, какая из них его доконала. Одно несомненно, твоя драка никакого отношения к этому не имела. Ты тут не при чем, поняла?

Я слушаю ее слова как музыку, только становится обидно:

–Так что же, я зря торчала в психушке?!

–Твое счастье, что только в психушке, а не в обезьяннике. За милую душу могли засунуть до выяснения.

–Спасибо, утешила, – язвительно отмечаю я.

Почему-то, мне совсем не хочется выпрашивать подробности возможного пребывания в изоляторе временного содержания. Марина подытоживает выше сказанное:

–Дело закрыто за отсутствием состава преступления, так что можешь жить спокойно. Пока, – добавляет она по милицейской привычке.

Моя деловая подруга, как всегда спешит, отказывается разделить со мной беззаботную радость освобождения. Ох уж, мне вечно занятые люди! Я неохотно провожаю принесшую добрые вести Марину. Медленно закрываю за ней дверь и ощущаю как нестерпимой тяжестью наваливается на меня усталость. Буквально ноги подкашиваются. Зря мне раньше не верилось, что душевные волнения отнимают силы почище любой работы. Из последних сил тащу себя до дивана и падаю. Как давно я не засыпала так безмятежно!

Сплю сладко как в детстве, безо всяких снов и страхов. Даже телефонный звонок звучит как-то нежно и ласково.

–Я слушаю, – мурлычу я в трубку и слышу в ответ:

–Лиза, это Александр. Я рад вас слышать, как ваше здоровье?

Мое сердце обрывается и падает куда-то далеко вниз. Я не могу издать ни звука.

–Я звонил пару дней назад, ваш брат сказал, я уверен, что брат, муж совсем бы не стал со мной разговаривать. Он сказал, что вы заболели.

Какой же Саша умница! Сам все так прекрасно объяснил! Конечно, муж не стал бы так с ним даже разговаривать, надеюсь, Серега не наговорил лишнего.

–Сейчас уже все в порядке, обыкновенный бронхит, – тороплюсь сообщить я. – Меня уже выписали.

–Это замечательно! – искренне радуется Саша. – Нам обязательно надо встретиться, потому что... Даже не знаю как сказать. В общем, я вижу вас там, где вас нет.

–Например? – с ужасом спрашиваю я.

–Везде и всюду, – беззаботно отвечает собеседник, – так когда мы можем встретиться?

Нет, так много счастья сразу просто не бывает. Я боюсь поверить, что все происходит на самом деле. Честно говоря, совершенно забыв о гордости и хороших манерах, я готова крикнуть в трубку: немедленно, прямо сейчас! Александр галантно спасает мою репутацию:

–Наверное, сегодня вам неудобно, завтра я сам слишком занят, отец опять придумал какое-то мероприятие. Может быть после завтра?

–Да, да, – радостно соглашаюсь я, не успев даже задуматься о необходимости наверстать пропуски в институте.

Но Александр, кажется, позаботился и об этом:

–Вечер у вас свободен?

–Да, да.

–Тогда может быть в шесть, у поющего фонтана? Если это не слишком романтично.

–Романтики я не боюсь, я люблю романтику, – заявляю я, разом забыв, что всегда считала смешным и устаревшим все романтическое.

До чего же медленно тянется день, посвященный учебе. Мои институтские приятели, похоже, и вовсе не заметили моего долгого отсутствия. Хоть и делают вид, что волнуются и выспрашивают, что со мной могло случиться. Я отшучиваюсь. И мои не слишком правдоподобные ответы всех устраивают. Беру списать лекции и отправляюсь скучать домой.

Ожидание, худшее из зол на этой планете. Ну, может не самое худшее, ну почему-то ждать всегда так трудно! Ожидание чего-то хорошего кажется бесконечным, зато неизбежные неприятности всегда приходят слишком быстро. Скорее всего, рассуждаю я чересчур наивно и меня легко упрекнуть в незнании жизни, но по-другому я пока не умею. Из всех сил стараюсь не думать о предстоящей встрече, а сердце то и дело бешено бьется от надежд и предчувствий.

На следующий день, с самого утра, начинаю готовиться к встрече. Какой тут институт?! Учеба забыта и заброшена, заслоненная мечтами и волнениями. Я влюблена по самые уши! Клялась, божилась, что уж со мной-то этого не произойдет, зло смеялась над подружками потерявшими голову, казалась себе умнее их. И вот тебе пожалуйста, не могу больше ни о чем думать. Все на свете стало для меня абсолютно неважно. Чувствую себя глупой и счастливой! Ой, мамочки!

Никогда еще я не подходила так тщательно к выбору одежды. Сегодня я должна выглядеть на все сто! Куртку – в космос! Достая из шкафа новенькое элегантное пальто, подаренное родителями. И почему оно мне так не нравилось?! Сапоги выбирать не приходится, все равно единственные. Начинается самое трудное – скорее всего, на улице мы торчать не станем, благо совсем рядышком с фонтаном, есть вполне приличное кафе. Боже, что мне надеть?! С джинсами все понятно, а свитерок? Достая из шкафа и кидаю на кровать вещи. Белый, желтый, синий – все не то!

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ. ЗНАКОМСТВО С КРОХОЙ.

Опять! Опять я все делаю не правильно! Надо было бы вести себя легкомысленно и загадочно, как настоящая барышня и чуть-чуть опоздать на первое свидание. А я не выдерживаю, и прихожу намного раньше. Честное слово, я прилагала массу усилий, для того, чтобы потратить больше времени на сборы, но это оказалось совершенно невозможно!

И вот я, как настоящая дура, стою, мерзну возле давно не работающего фонтана, разглядываю его абсолютно безобразную без воды конструкцию. Еще совсем недавно, летнее солнышко золотило веселые струи, поднимала радуги над брызгами. Все радовались красоте и прохладе. Теперь я заглядываю в пустой бассейн, из которого уродливо торчат трубы, вижу окурки, мятые бумажки, бутылки, шелуху от семечек, важного воробья, спящего среди мусора. Настроение гадкое, как фонтан осенью. Я абсолютно уверена, что никто не придет, я зря здесь торчу и смотрю на часы.

Вот Александр опаздывает уже на целую минуту!

–Простите, если я опоздал. Часы безнадежно стоят, – сразу начинает с оправданий Саша. Я глупо улыбаюсь счастливая, что моя уверенность меня обманула.

–Вы, наверное, уже давно ждете? – сочувственно спрашивает он.

Как пить дать, заметил мой красный нос. Зря я приперлась так рано. Надо было бы все-таки опоздать, не была бы сейчас такой окоченевшей.

–Сегодня очень холодно, нам срочно нужно в тепло, я так замерз, – заявляет Александр.

Что-то не похож он на замершего, даже куртка распахнута. Приятно все-таки иметь дело с вежливыми людьми.

–За углом есть приличное кафе, – радостно сообщаю я, – идем туда.

Наверное, благодаря холодному ветру, простенькое кафе полно посетителей. Мы с трудом находим свободный столик, здесь светло и тепло, на этом достоинства этого места заканчивается. Потолок и бежевые стены давно просят ремонта, щетинятся старой краской, квадратные столики явно много повидали на своем веку. Получив чашку, обжигающего горячего кофе, я вцепляюсь в нее обеими руками, ладони быстро согреваются, и каждый глоток, возвращает меня к жизни. Вот я уже в состоянии заметить, как еще много вкусного расставляет Саша на столике. Теперь надо что-то говорить. Но все мое остроумие улетучивается. В панике я набиваю рот пирожными. Это хоть как-то объясняет мое молчание. Сажу, жую и слушаю:

–А я точно знаю, что будет дальше! – заявляет мой спутник.

–И что будет? – чавкаю я.

–Сейчас я не выдержу, выболтаю вам все свои тайны. Вы решите, что я сумасшедший, придумайте благовидный предлог и сбежите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.